
Л. В. СОКОЛОВА

Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве»

Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» не раз привлекал внимание исследователей, однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, как оценивает автор «Слова» исторического Всеслава Брячиславича (на этот счет существуют полярные точки зрения), а следовательно, не выяснено и то, с какой целью автор повествует о Всеславе, то есть какова художественная функция фрагмента о Всеславе Полоцком в «Слове о полку Игореве».

На наш взгляд, это объясняется тем, что фрагмент, посвященный Всеславу Полоцкому, как и «Слово» в целом, написан иносказательным языком, «темным стилем». Он труден для понимания, не случайно многие чтения в нем до сих пор являются спорными и рассматриваются как «темные места». Поэтому нам представляется необходимым при исследовании фрагмента о Всеславе прежде всего дать критический анализ существующих прочтений его «темных мест», выяснить буквальный смысл сказанного о Всеславе. Этому и посвящена предлагаемая статья.

* * *

В «Слове о полку Игореве» содержится не всегда понятный в деталях поэтический комментарий к летописным сведениям о Всеславе Брячиславиче. Поэтому, прежде чем приступить к анализу фрагмента о Всеславе в «Слове», необходимо напомнить, что сообщают о Всеславе летописи. Краткий свод летописных известий о Всеславе содержится в энциклопедической статье О. В. Творогова,¹ которой мы и воспользуемся.

«Повесть временных лет» сообщает, что в 1044 г. Всеслав Брячиславич после смерти своего отца сел на столе его в Полоцке. При этом упоминается, что мать родила Всеслава от волхвования, и от рождения «бысть ему язвено на главе его». Волхвы сказали матери князя: «Се язвено навяжи на нь, да носит ё до живота своего». И летописец добавляет, что Всеслав «носит се язвено и до сего дне на себе; сего ради немилостив есть на кровьпролитье».²

В 1060 г. Всеслав Брячиславич совершил совместно с Ярославичами успешный поход на торков (ПВЛ, с. 109). Но затем отношения полоцкого князя с Ярославичами испортились. В 1065 г. Всеслав, по сообщению

---

¹ Творогов О. В. Всеслав Брячиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995 Т. 1 С. 257

² Повесть временных лет М., Л., 1950 Ч. 1 С. 104 (Сер. «Лит. памятники») Далее при ссылке на «Повесть временных лет» в тексте в скобках указываются страницы по этому изданию

«Повести временных лет», «рать почал» (ПВЛ, с. 110). Псковская летопись сообщает подробности: «Князь полотьский Всеслав, собрав силы своя многыя, прииде ко Пскову и много тружався, с многими замыслении и пороками шибав, отъиде, ничтоже успеv».³ В 1067 г. по сообщению «Повести временных лет», «заратися Всеслав, сын Брячиславль Полочъске и зая Новьгород» (ПВЛ, с. 111). Софийская первая летопись сообщает подробности: «...зая Новьгород до Неревьскаго конца и поже, и пойма все у Святой Софии — и паникадила, и колоколы, и отиде».⁴

Захват и ограбление Новгорода не остались безнаказанными: на землю Всеслава Брячиславича пришли братья Ярославичи, жестоко расправились с жителями Минска. На обратном пути их догнал Всеслав Полоцкий и 3 марта 1067 г. противники сошлись в битве на Немиге. «Бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод; Всеслав же бежа» (ПВЛ, с. 112).

После поражения на Немиге Всеслав по приглашению Ярославичей, скрепленному крестоцелованием, приехал к ним, переправившись через Днепр у Смоленска. Вслед за Изяславом он вошел в шатер, но там был схвачен, отвезен в Киев и посажен в «поруб» с двумя сыновьями (ПВЛ, с. 112).

В 1068 г. в Киеве вспыхнул мятеж горожан против князя Изяслава. Киевляне «высекоша Всеслава ис поруба въ 15 день семтября, и прославиша ѥ среди двора княжа». Освобожденный Всеслав стал киевским князем и, по словам летописца, обратился к кресту с благодарственной молитвой (ПВЛ, с. 114).

Всеслав Брячиславич княжил в Киеве 7 месяцев. Но в апреле 1069 г. на него двинулся Изяслав со своим тестем — польским королем Болеславом. Всеслав выступил навстречу, однако, «бывши ноци, утаивься кыян, бежа из Белагорода Полотъску» (ПВЛ, с. 115). Из Полоцка же Всеслав Брячиславич был вскоре изгнан сыном Изяслава Мстиславом.

23 октября 1069 г. Всеслав предпринял попытку захватить Новгород, в котором княжил Глеб Святославич. Битва произошла у Зверинца на Кземли. Летописец сообщает, что пало бесчисленное число воинов из племени вожан, с которыми пришел Всеслав, а самого князя пленили, но вскоре «отпустиша Бога деля».⁵ В 1071 г. Всеслав Брячиславич, изгнав Святополка Изяславича, вернул себе Полоцк. Вскоре на Всеслава двинулся брат Святополка — Ярополк и победил Всеслава в битве у Голотическа (ПВЛ, с. 116), однако, по предположению С. М. Соловьева, Всеслав сумел удержаться на отцовском престоле.⁶

В 1077 г. Всеслав, по-видимому, вновь угрожал Новгороду, чем, как думает С. М. Соловьев,⁷ и мог быть вызван поход «Глебови в помощь» Владимира Мономаха, о котором князь вспоминает в своем «Поучении». В 1078 г. Владимир Мономах вместе с отцом ходил на Полоцк. В 1079 г. Мономах, на сей раз со Святополком Изяславичем, вновь ходил на Полоцк, «пожгоша город» и прошел с половцами по земле Всеслава на Одреск. После того как Всеслав в отместку сжег Смоленск, Мономах еще раз прошел по земле Всеслава, «пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска» (ПВЛ, с. 159).

Под 1101 г. сообщается о смерти Всеслава (ПВЛ, с. 182).

³ Псковские летописи М. 1955 Вып. 2 С. 18

⁴ ПСРЛ Л. 1925 Т. 5 Вып. 1 С. 134—135

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М. Л. 1950 С. 17

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. М. 1988 Кн. 1 т. 1—2 С. 345

⁷ Там же С. 349

Обратимся теперь к тексту «Слова». Какие из перечисленных событий упоминает автор «Слова» и как их интерпретирует?

* * *

I. Фрагмент о Всеславе начинается с указания на то, что он действует «на седьмомъ вѣцѣ Трояни».

Выражение это вызвало большую полемику. Исследователи по-разному комментировали его, в зависимости от того, как толковали «седьмой век» и кого понимали под Трояном. Две основные точки зрения на Трояна таковы: 1) восточнославянский языческий бог Троян; 2) римский император Траян. Обе эти точки зрения не выдерживают проверки контекстом.⁸

На наш взгляд, следует исходить из того, что во фрагменте об Олеге автор, по словам Д. С. Лихачева, «дает своеобразную периодизацию истории Русской земли»: «Были вѣчи трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя». Века (то есть времена) трояни символизируют время возникновения Киевской Руси, время основания Киева; лета Ярослава Мудрого олицетворяют расцвет Киевской Руси; междоусобные войны Олега символизируют «последние времена» Киевской Руси как единого государства с центром в Киеве. Поскольку второй и третий периоды олицетворяют князя, есть основание считать, что и начальный период Киевской Руси тоже представлен князьями. Как известно, расселение полян на Киевских горах и основание Киева связывается с тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом. Их, вероятно, и называет автор «Слова» общим именем «троян» или «трояны». Еще Н. Костомаров, высказав эту точку зрения, указал, что три брата в украинских сказках называются троянами,¹⁰ а слово «троян», согласно словарю украинского языка Б. Д. Гринченко, означает в украинском языке, в частности, «три лица или предмета, тесно связанных».¹¹

В таком случае упоминаемая в «Слове» «земля Трояня» — это земля, основанная трояном или троянами, то есть Киевская Русь. Что же касается выражения «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», то «Троянь», по всей видимости, символическое название Киевской Руси, это земля *трехродового* племени во главе с *тремя* братьями, которое расселилось на *трех* Киевских горах

Какой век в таком случае автор «Слова» называет седьмым веком Трояни (Киевской Руси)? Выражение «на седьмомъ вѣцѣ» не может означать «на седьмом столетии» Древнерусские словари, толкуя слово «век», не отмечают у него значения «столетие».¹² Это значение у слова «век» появляется только в XVIII в., при Петре I, как перевод латинского «seculum» и французского «siecle». Но нельзя принять и толкование И. Клей-

⁸ См. об этом Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л. 1990. Т. 44. С. 325—362.

⁹ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей. М., Л. 1950. С. 22—24.

¹⁰ Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве. Реферат лекции, прочитанной автором 27 апреля 1870 г. // Голос 1870. 29 апр. (11 мая). № 117. С. 2 стб. 2 и след. Точку зрения Н. И. Костомарова развил, не ссылаясь на него В. Шевчук. См. Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве». С. 339—340.

¹¹ Гринченко Б. Д. Словарь украинской мови. У 4 т. Київ. 1959. Т. 4. С. 288.

¹² «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975. Вып. 2. С. 53—54) так определяет значения слова «век»: «1. Определенный период времени, эпоха, тысячелетие. 2. Период существования кого-либо, чего-либо (в том числе существования вселенной — Л. С.) 3. Вечность».

на, согласно которому Всеслав действует на седьмом, последнем веке (*тысячелетии*) существования мира, с которым связаны эсхатологические представления.¹³ В таком случае теряет смысл та периодизация истории Русской земли, которую автор дает во фрагменте об Олеге, так как все три периода приходятся на седьмое тысячелетие от сотворения мира. Кроме того, автор говорит о «седьмом веке» *Трояни*, Киевской Руси, а не о седьмом веке существования мира.

По нашему мнению, автор употребил выражение «седьмой век» в переносном, символическом смысле: седьмой век — последний век существования мира, и потому в переносном, образном значении «седьмой век» — последние времена существования чего-либо.¹⁴

Всеслав действует «на седьмом веке», то есть «в последние времена» существования Трояни. С «последними временами» Киевской Руси связываются, как уже говорилось, и «полки Олега». Время Олега и Всеслава — это последняя треть XI в. (1067—1097), время княжеских междоусобиц, приведших к Любечскому съезду 1097 г., от которого ведет отсчет феодальная раздробленность Руси. Эта мысль очень важна в «Слове», она постоянно варьируется автором, именно она обусловила экскурсы в прошлое, в XI в., к временам Олега и Всеслава.

Указание на то, что Всеслав действует на седьмом, последнем веке существования Трояни, свидетельствует, вероятно, о том, что он, как и Олег, считается автором одним из виновников гибели Трояни, Киевской Руси, распавшейся на ряд самостоятельных княжеств в результате княжеских междоусобиц.

На основании того, что Всеслав, по мысли автора, действует на седьмом веке Трояни и своими действиями способствует ее гибели, можно говорить о том, что автор отсылает к апокалиптическому мотиву антихриста, на седьмом веке приходящего в мир и губящего его. Однако исключительно этим сопоставлением и следует, на наш взгляд, ограничиться. Более детальные сопоставления Всеслава с антихристом, предложенные И. Клейном, представляются нам необоснованными.

И. Клейн считает, что автор «Слова» изображает Всеслава по образу антихриста, действующего «в последнем, апокалиптическом, веке», что «в сознании автора „Слова“ и Нестора слились два мифа: человека-волка, человека-дракона — Всеслава и Антихриста... Князь-оборотень и Антихрист — оба действуют на последнем, седьмом веке; оба обладают двойным существом: человек — животное; оба знатного происхождения; (оба зачинаются и рождаются при чудесных обстоятельствах); (оба вырастают сверхъестественно быстро); оба хитры; оба — колдуны; оба умеют летать; (оба постоянно связываются с космическими беспорядками и даже могут

¹³ Клейн И «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ Л., 1976 Т 31 С 107—110 Толкование седьмого века как седьмого тысячелетия было предложено Р О Якобсоном Однако Р О Якобсон в отличие от И Клейна, иначе членит текст включая словосочетание «седьмой век» в обращение автора к полоцким князьям XII в а не во фразу о Всеславе «Которую бо бше насилие отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣщѣ Трояни Връже Всеславъ жребий » Это отражено и в переводе Р О Якобсона «Ведь это из-за смуты пошло насилие от земли Половецкой земле Троянской в седьмом тысячелетии Кинул Всеслав жребий о девиче желанной» См Якобсон Р О Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ М Л 1958 Т 14 С 108

¹⁴ Д С Лихачев пишет «Значение „седьмого“ как последнего, определяется средневековыми представлениями о числе семь семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь дней недели, семь человеческих возрастов и т д» См Лихачев Д С Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» С 23

вызывать затмение солнца); оба узурпаторы, оба военачальники, оба виноваты в кровопролитии.¹⁵

Во-первых, нам представляется неверным сближение с антихристом сразу трех персонажей, которые выступают у И. Клейна (а ранее у Р. О. Якобсона и М. Шефтеля) как одно лицо: Всеслав «Слова», Всеслав летописи и былинный Волх Всеславич (те сближения Всеслава с антихристом, которые не вытекают из текста «Слова», И. Клейн заключил в скобки). Во-вторых, отдельные сближения сделаны на основании неверного толкования текста «Слова» (оба хитры, оба колдуны, оба умеют летать, оба узурпаторы). В-третьих, некоторые сближения сделаны на основании широко распространенных признаков и не представляются поэтому убедительными (знатное происхождение, статус военачальника, виновность в кровопролитии). Наконец, вряд ли можно сближать Всеслава с антихристом на основании того, что оба обладают «двойным существом», ибо оно у них абсолютно разной природы. Антихрист — вначале человек, затем превращающийся в дракона, Всеслав — с рождения попеременно человек-волк: днем — человек, ночью — волк (мотив Всеслава-волкодлака будет рассмотрен далее).

II. Чем же проявил себя Всеслав, действуя на седьмом, последнем веке «Трояни»?

На седьмомъ вѣиѣ Трояни
Врѣже Всеславъ жребий
О дѣвицу себѣ любу

Исследователи единодушны в том, что под девицей подразумевается город (добывание города и девицы взаимно символизировалось¹⁶), но высказывают разные точки зрения по поводу того, какой город подразумевается под девицей: Киев или Новгород. А это указывает на то, что нет четкого и ясного представления о том, что означает в данном случае выражение «врѣже жребий». Попробуем разобраться в этом вопросе.

Выражение «бросать (кидать, метать) жребий» означает «решать что-либо или гадать посредством жеребьевки». Обычай в сомнительных случаях метать жребий объясняется верой в судьбу, в таинственную, всем управляющую волю, приговор всеведущего божества, избегнуть которого не дано ни единому смертному. Решение спорного вопроса жребием было употребительно у всех индоевропейских народов.

Бросали жребий с различными целями:¹⁷ 1. Для определения права на что-то одно между двумя или несколькими участниками жеребьевки; 2. Для распределения по жребию между несколькими участниками жеребьевки нескольких же предметов, городов и т. п.; 3. С целью избрания одного или нескольких участников жеребьевки для исполнения какой-либо обязанности (сражаться в поединке, идти в рекруты, быть принесенным в жертву и так далее); 4. С целью гадания о будущем — кому

¹⁵ См. Клейн И. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература С 107, 109

¹⁶ В средневековых представлениях город часто олицетворяется в образе девицы жены. вдовы Город (земля) и князь составляли одно целое, как тело и голова, они венчались в символическом браке как муж и жена. См. подробнее Топоров В. Н. Тема города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста М. 1987 С 121—132, Карпунин Г. Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря // Сибирские огни 1980 № 3 С 176—177) Соколова Л. В. Дева // Энциклопедия «Слово о полку Игореве» СПб, 1995 Т 2 С 96—97

¹⁷ См. об этом Афанасьев А. Н. Древо жизни М. 1982 С 367—368, Русский де-монологический словарь / Автор-составитель Т. А. Новичкова СПб, 1995 С 103

что выпадет по жребию (какая судьба, участь); 5. С целью принятия затруднительного выбора: что предпочесть (отдать решение на волю Божью); 6. Для решения частных тяжб и общественных вопросов

Совершенно очевидно, что Всеслав не метал жребий с законными владельцами Киева или Новгорода в прямом значении этого выражения.¹⁸ Он «бросил жребий» в переносном смысле. О каком же поступке Всеслава идет речь?

Б. А. Рыбаков понимает выражение «бросил жребий» в значении выбора между несколькими возможностями. В книге «Петр Бориславич» Б. А. Рыбаков пишет: «Слова поэмы „връже Всеслав жребий о девицу себе любу“ могут относиться только к сентябрю 1068 года, когда освобожденный князь мог выбирать себе любой город, любую „девицу“. ...киевляне хотели сделать его князем в Киеве... Вакантным становится Новгород, над которым властвовал ранее Изяслав, доступен был Смоленск, князь которого Игорь Ярославич скончался в 1060 году, оставив незначительного княжича Давыда, и, наконец, был родовой для Всеслава город Полоцк, где еще в X в. княжил его прапрадед по матери. Выбор был большой, Всеслав мог бросать жребий, по крайней мере, между четырьмя крупнейшими городами тогдашней Руси. Он выбрал Киев».¹⁹ Прежде всего, Б. А. Рыбаков сильно преувеличил возможности Всеслава. Не став киевским князем, он, сидя в «порубе», не мог претендовать ни на один из городов. Кроме того, по мнению Б. А. Рыбакова, Всеслав бросал жребий на несколько девиц-городов (решая, какой предпочесть), тогда как автор подчеркивает, что он бросил жребий на одну, *полюбившуюся* ему девицу

По мнению Д. С. Лихачева, выражение «бросил жребий» означает здесь «играл своей судьбою» (то есть поставил свою судьбу на карту). Исследователь поясняет: «...Всеслав действительно играл своею судьбою... Он не имел реальной опоры ни в одном классе общества; оказавшись вознесенным из „поруба“ на киевский стол, он смог удержаться всего семь месяцев.. Он только воспользовался случаем — „скакнул“ к киевскому столу».²⁰ Из приведенных пояснений Д. С. Лихачева ясно, что, по его мнению, выражение «бросил жребий» употреблено в значении: «принял важное и смелое решение» (стать киевским князем). Однако выражение «бросил жребий», употребленное в «Слове», не имеет такого значения. В сходном значении употребляется другой фразеологизм: «Жребий брошен!».²¹

В. И. Стеллецкий, как и Д. С. Лихачев, полагал, что под «девицей любой» имеется в виду Киев.²² Стеллецкий пишет: «Споры в Киевской Руси нередко разрешались жребием... Здесь под „дѣвицей любой“ подра-

¹⁸ Обычай делить города по жребию действительно существовал. В Устюжском летописце сказано, что ростовские князья в 1286 г делили наследие свое «и по жребию достался Дмитрию Угльчъ Поле да Белоозеро, а Константину Ростов да Устюг» Цит по Дубенский Д Н Слово о плъку Игореве М, 1844 С 172—173

¹⁹ Рыбаков Б А Петр Бориславич Поиск автора «Слова о полку Игореве» М, 1991 С 40—41

²⁰ Лихачев Д С Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве М Л, 1950 С 455 (Сер «Лит памятники»)

²¹ «Жребий брошен — важное или смелое решение принято» См Бабкин А М, Шендцов В В Словарь иноязычных выражений и слов Л 1981 Т I С 58 «Фразеологический словарь русского языка» (М, 1967 С 159) определяет значение выражения «жребий брошен» так «Принято окончательное решение, сделан решительный шаг обычно в каком-либо деле, предприятии и т п»

²² Эта же точка зрения высказана Н А Мешерским и А А Бурькиным в комментарии к изданию «Слова» См Слово о полку Игореве Л, 1985 С 474 (Сер «Библиотека поэта») Эту точку зрения я ошибочно охарактеризовала ранее как общепринятую См Соколова Л В Дева С 97

зумеается Киевское княжение. Киев достался Всеславу совершенно случайно, как достается милая девица по жребию». ²³ Из рассуждений В. И. Стеллецкого неясно, о каком действии, поступке Всеслава говорится иносказательно «бросил жребий». Чтобы получить что-либо по жребию, надо участвовать в жеребьевке, заявлять свои претензии на что-либо, а Всеслав не претендовал на Киев, не бросал жребия на него наряду с другими князьями ни в прямом, ни в переносном смысле. Он не предпринимал никаких действий для того, чтобы стать киевским князем, он действительно стал им «совершенно случайно».

Нам представляется убедительной точка зрения О. В. Творогова, который, комментируя выражение «врѣже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу», пишет: «Полагают, что здесь имеется в виду либо Киев, либо Новгород, овладеть которыми намеревался Всеслав. Скорее — Новгород, который Всеслав действительно пытался захватить, а не Киев, князем которого он оказался лишь по воле случая». ²⁴

Словосочетание «бросил жребий» употреблено здесь в переносном смысле: начал сражение за город, в результате которого, как при решении спорных вопросов жеребьевкой, выяснится, кому что выпадет, на чьей стороне Бог, кому принадлежат права на город. Здесь мы видим метафору, связанную с битвой: битва-жеребьевка. Эта аналогия строилась на том, что, по представлению людей средневековья, и жеребьевка, и сражение были «Божьим судом», что кому выпадет — решалось Божьей волей.

Итак, выражение «врѣже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу» говорит о сражении Всеслава за Новгород в 1067 г. Именно это событие автор делает завязкой своего повествования о Всеславе, так как именно оно имело далеко идущие последствия, о которых автор и напоминает далее.

III. Одно из последствий — Всеслав стал киевским князем:

Тѣм клюками подпрѣся окони
И скочи къ граду Киеву

До сих пор не объясненной удовлетворительно является первая строка. По-разному толкуются слова «клюками» и «о кони» («окони»). ²⁵

Первые издатели слово «окони» разделили на два слова: «о кони» (на коней), а слово «клюки» понимали как палки, костыли, то есть подпорку в прямом смысле. Перевод первой строки получился у них при этом произвольным, они добавляли в переводе отсутствующий в древнерусском тексте глагол «сел»: «он, подпершись клюками, сел на коней». Неудовлетворителен этот перевод и по смыслу: как можно сесть сразу на нескольких коней? И что же это за князь, который садится на «коней», опираясь на клюки? Пытаясь объяснить такой перевод, Н. Грамматин писал: «Всеслав был ранен, и без помощи костылей не мог сесть на лошадь». ²⁶ Однако исследователь не объясняет при этом, о какой исторической ситуации идет речь. Предлагались и другие курьезные переводы

²³ Стеллецкий В. И. Примечания к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 187.

²⁴ Творогов О. В. Примечания // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 515.

²⁵ Обзор различных толкований см. Виноградова В. Л. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 126—146. Творогов О. В. Клюка // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 44—45.

²⁶ Грамматин Н. Слово о полку Игоревом. М., 1823. С. 181.

этого выражения, основанные на прямом значении слова «клюка», под которой понималось нечто материальное.²⁷

Н. Головин предположил, что «слово „клюка“ значит здесь хитрость, с помощью которой Всеслав овладел киевским престолом».²⁸ Д. С. Лихачев настаивает именно на этом значении слова «клюка» и поясняет, в чем заключалась хитрость Всеслава: «Значение слова „клюка“ может быть только одно в данном случае — хитрость; только это значение, а не шест или палка, зарегистрированы для XI—XIII вв. памятниками письменности».²⁹ Хитрость Всеслава, которую он оперся на коней, заключалась в следующем: Всеслав пришел к киевскому княжению в результате восстания киевлян, потребовавших у киевского князя Изяслава коней и оружия... Этим-то требованием киевлянами коней и воспользовался Всеслав. Благодаря этому он оказался на киевском столе. ...Всеслав, следовательно, „подперся“ о те кони, которые дал киевлянам».³⁰ В другой работе Д. С. Лихачев пишет: «Всеслав подперся конями так же, как Всеволод стреляет живыми шереширами... (то есть в переносном смысле. — Л. С.)».³¹

По мнению О. В. Творогова, «это широко распространенное толкование... все же уязвимо: находящийся в „порубе“ Всеслав не обладал никакой реальной связью с „конями“, которых просили киевляне, не мог (да еще почему-то «хитростью») на них „опереться“, хотя он, провозглашенный после своего освобождения князем, разумеется, мог удовлетворить требование киевлян и предоставить им коней из княжеских табунов. К тому же словосочетание „подпрся о кони“ не безусловно с грамматической точки зрения (обычное употребление: подпереться чем-либо)».³²

Б. А. Рыбаков предлагает иной сценарий событий в 1068 г. По его предположению, освободив Всеслава из поруба, киевляне лишь «провозгласили» Всеслава князем киевским, чтобы он их «бранил» (оборонял), но не оформили этого вокняжения официально, торжественной процедурой интронизации. Вначале он должен был добыть коней для киевлян. И он «стремительно, сказочным волшебным волком, за одну ночь, до

²⁷ «Опираясь ходулями из окна скакнул он к Киеву» (Л. А. Мей) «и не клюкой подпираясь, а сев на коня боевого» (Н. В. Гербель) «самострельными машинами укрепился на лошадях» (Я. О. Пожарский) А. Н. Майков вероятно думал что Всеслав согнувшись «клюкой» помчался (его перевод «перегнулся на седле помчался») О. Огоневский пояснял что «клюки» — это «ноги загнутые кривые» Видимо исходя из этого и В. С. Миллер перевел «сжал коня бедрами» Н. Павлов (Бицын) предполагал что «клюками» — описка вместо «колками» подперся колками значит «втиснул в коня шпоры» Р. О. Якобсон читал вместо «о кони» — «о копии»

²⁸ [Головин] Н. Примечания на Слово о полку Игореве М. 1846 С. 82—83

²⁹ Можно допустить, на наш взгляд что первично именно «материальное» значение слова «клюка» — крючок палка с загнутым (согнутым) концом то есть посох костьль такого рода а также кочерга, у которой согнутая часть была металлической. Затем, на основании переноса значения, возникло сравнение непрямого, неправдивого лукавого человека с клюкой человека подобного клюке стали называть «клюкавым» (ср. крючковаторец) Слово «клюка» в переносном значении стало означать «обман хитрость коварство» а «клюкаги» — двесудушничать, обманывать хитрить В прямом значении слово «клюка» встречается в великорусских народных песнях и былинах возникновение которых может относиться к древнему периоду. Например, в былине «Сорок калик со каликою» читаем «Становилися (кальки перехожие) на единой круг / Клюки-п(о)сохи в землю потыкали, / А и сумочки исповесили» (см. Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым 2-е изд. доп. М. 1977 С. 122) Или в сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПб. 1896 Т. 2 С. 256) «Из улицы идет стар человек / Он клюкою подпирается»

³⁰ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С. 455—456

³¹ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» С. 19

³² Творогов О. В. Клюка С. 44 При цитировании «Энциклопедии Слова о полку Игореве» принятые там сокращения раскрываются без специальных оговорок

третьих петухов, ...мчится за тысячу верст к синему морю..., в самую южную область — в Тмутаракань», «где обогатился и табунами коней, и союзниками из числа тюркок-кочевников, вытесняемых в это время со своих пастбищ новоприбывшими половцами». Помог Всеславу в этом Глеб, которому Всеслав подарил Новгород. Лишь «после этих молниеносных и успешных действий Всеслава», после того как Всеслав «кляками» (по Рыбакову, «умелостью, хитроумием, мастерством») добыл для киевлян коней, «полоцкий князь и был, очевидно, возведен на великое княжение по всем правилам».³³

Б. А. Рыбаков сочиняет историю, словно пользуясь «Морфологией русской сказки» В. Я. Проппа: как в сказке. Всеслав, прежде чем стать князем, должен выполнить «трудную задачу» (правда, в сказках царь задает задачу герою из народа, а не народ князю); Всеслав использует «сказочного помощника» — Глеба Тмутороканского, которого затем «одаривает» царским жестом — дарит ему Новгород. Вряд ли можно с этим сказочным сценарием согласиться. Хотя бы потому, что за конями и воинами не было никакой необходимости молниеносно мчаться в Тмутаракань — все это было в самом Киеве. По словам Д. С. Лихачева, «они (кони и оружие. — Л С) были в распоряжении Изяслава, иначе народ и не стал бы их требовать у князя, но Изяслав боялся выдать их киевской „чадѣ“, боясь восстания».³⁴ Кроме того, слово «кляка» имело значение «обман, коварство, лукавство, хитрость», но вовсе не «умелость, хитроумие, мастерство».³⁵

По нашему мнению, слово «кляка» употреблено здесь именно в том значении, которое фиксируют словари: «хитрость, обман, коварство». При этом речь идет о кляках (коварстве, обмане) не Всеслава, а его врагов.³⁶ Автор «Слова» имеет здесь в виду летописный рассказ о том, как Ярославичи пригласили Всеслава для переговоров под Смоленск, на реку Ршу (Оршу),³⁷ где Изяслав, войдя в шатер вместе со Всеславом, приказал схватить его, нарушив свое обещание не причинять ему зла, скрепленное крестоцелованием. Эти «кляки» врагов Всеслава и стали причиной того, что Всеслав «скакнул к граду Киеву», то есть оказался в Киеве плененного, его вместе с двумя сыновьями привезли в Киев и заключили

³³ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич С 44—45

³⁴ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» С 19

³⁵ Б. А. Рыбаков пишет «Кляки — это хитрость, но не в позднейшем вторичном варианте, когда слово стало выражать понятие лукавства или даже коварства, а в первичном — умелость хитроумие, мастерство» (см. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич С 44). Однако словари не фиксируют этого «первичного» значения слова «кляки» и, надо думать, его не было. Значения слова «кляка» и родственных ему слов словари определяют так: «Кляка» — хитрость, обман, «клякавый» — коварный хитрый (Срезневский. Материалы СПб 1893 Т I Стб 1230), «Кляка» I Хитрость, обман лукавство коварство 2 Палка с согнутым верхним концом, кочерга (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л, 1967 Вып 2 С 189—190), «Кляка» I Хитрость лукавство, обман 2 Кляка, костыль 3 Кочерга (Словарь русского языка XI—XVII вв М 1980 Вып 7 С 181—182) «Кляка клякы» — хитрость, обман коварство «клякати» — обманывать, прибегать к хитрости (Словарь русского языка XI—XIV вв) В 10 т М, 1991 Т 4 С 223—224)

³⁶ Эта мысль была высказана Е. В. Барсовым, который слово «кляка» понимал прежде всего как обман: те «хитрые заверения, которые побудили Всеслава спокойно сесть на коней и поспешно отправиться в Киев» (Барсов Е. В. «Слова о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси М 1889 Т 3 Лексикология «Слова» (А—М) С 336)

³⁷ По мнению С. М. Соловьева, Рша — не город, а река. См. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. Кн. I, т. 2 С. 671, примеч. 37

в поруб. «Клюками» своих врагов и «подперся», то есть воспользовался, Всеслав.

Фраза «клюками подпрься окони и скочи къ граду Киеву» является, по наблюдению Р. Манна, реминисценцией из былин: так, подперевшись волшебной клюкой-посохом, скачут в Киев богатыри.³⁸

В былине «Добрыня и Алеша» читаем:

Слезает Добрынюшка со добра коня
Надевает на себя платья каличии
Берет в руки клюку железную
И пошел тут Добрынюшка Микитич с горы на гору
Он клюшкой да подпирается
С горы на гору перескакивает,
Приходит ко городу ко Киеву

В былине «Илья и Идолище» клюка названа костылем.

И начал [Илья] костылем помахивать
подпираться поскакал в Киев-град
Прискакал он в Киев-град и подошел к покоям
княженецким

Всеслав, согласно «Слову», «подперся» (то есть воспользовался) клюками-хитростями своих врагов и тоже «скакнул» к Киеву, подобно богатырям, хотя на самом деле он прибыл в Киев пленником. Это художественное переосмысление ситуации объясняет «странность», отмеченную в «Слове» О. В. Твороговым: «Странно и другое: вопреки известным нам по ПВЛ фактам, Всеслав Брячиславич представлен активным искаателем великокняжеского стола, тогда как он был возведен туда по воле восставших киевлян».³⁹

Таким образом, не о хитростях Всеслава идет речь. Следовательно, и не о конях, в которых якобы заключалась хитрость Всеслава. Косвенно это подтверждается и тем, что автор «Слова» использует только форму «комонь», шесть раз употребляя слово именно в этой форме.⁴⁰

Что же в таком случае означает слово «о кони» («окони»)?

А. А. Потехня предлагал «о кони» понимать не как дополнение (на коней), а как глагол «оконить»⁴¹ в возвратной форме — «оконился» (по мнению А. А. Потехни, предыдущее *-ся* могло относиться и к глаголу *окони*) и переводил: «Он, опершись на хитрости, добыл себе коня». Но Всеслав сидел в Киеве в порубе, и ему не нужно было добывать коня, чтобы скакать на нем в Киев с целью стать киевским князем.

А. К. Югов рассматривал «окони» как глагол в форме аориста «оконить», приводимый в словаре В. И. Даля с пометой «нвг.» (новгородское). В. И. Даль на основании приведенного им примера («Оконил в избе своей мир, покой») так определяет значение глагола «око-

³⁸ Mann Robert The Igor Tale Slavica Publishers Columbus Ohio 1999 P 28 196 По мнению Р. Манна, «окони» — искаженное «о конци», то есть на конце на конце клюки-посоха Всеслав, подобно богатырям, скачет в Киев. Эта конъектура не нужна, тем более что богатыри скачут не на клюке, а «помахивая» ей, «подпираясь» клюкой

³⁹ Творогов О В Всеслав Брячиславич С 258

⁴⁰ На это обратил внимание Г Карпунин См Карпунин Г По мыслену древу // Сибирские огни 1978 № 12 С 157

⁴¹ А А Потехня пишет «Оконити, сделать конным, как опешити — пешим В мало-российской думе Коновчиха, сын которой пошел в поход пеший, посылает ему вслед коня говоря нарочному „Де мого сына нагониш, там его окониш добрым лицарем настановиш“» См Потехня А А Слово о полку Игореве Текст и примечания 2-е изд Харьков 1914 С 123

нить»: «докончить», «устроить, уладить, установить, удоконить, узаконить, уконить».⁴² А. К. Югов дает свое определение: «окончить успешно, довести дело до победного конца». Но в «Слове» глагол «окони», по толкованию А. К. Югова, имеет значение наречия — «в конце концов». А при переводе А. К. Юговым фразы наречие «в конце концов» превращается в частицу «таки» при глаголе «добыл»: «На волшбу опираясь, / Всеслав *добыл-таки* града Киева».⁴³ Странные метаморфозы. При этом А. К. Югов игнорирует то, что слово «окони» входит в одну синтагму с глаголом «подпръся», а не с глаголом «скочи» (переведенное А. К. Юговым глаголом «добыл»), с которым его разделяет союз «и»

В. Л. Виноградова предлагает рассматривать «окони» как наречие, предполагая, что оно могло быть образовано от глагола «оконать».⁴⁴ В. Л. Виноградова считает, что наречие «окони» «Слова» является фонетическим вариантом слов (наречий?) «оконо» и «оконе», встречающихся в ряде Кормчих XIII—XVII вв. в статье «Вопросы Кирика. Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц 1130—1156 гг.». Слово «оконо» встречается здесь в трех выражениях, приводимых В. Л. Виноградовой. Признавая, что на основании примеров из Кормчей трудно определить семантику наречий *оконо*, *оконе*,⁴⁵ В. Л. Виноградова считает, что и вопрос о значении наречия «окони» в «Слове» «категорично пока решить нельзя, поскольку и само слово оказывается полисемантическим, и сам контекст недостаточно показателен»⁴⁶ Она предлагает три возможных толкования: «1. Всеслав хитростями (обманом) подперся с самого начала (*сначала*), 2. Всеслав хитростями подперся *только* (и ничем другим), 3. ...можно понять слово *окони* и в качестве утвердительного „*конечно*“» Как видим, исследовательница предполагает у наречия *окони* три значения: 1. *сначала* (ранее она высказывала мысль о синонимичности наречий «искони», «отъкони» и «окони»), 2. *только*, 3. *конечно*

Два года спустя после статьи В. Л. Виноградовой вышел 12-й том «Словаря русского языка XI—XVII вв.», в котором приводятся слова «оконе» и «оконо», определяемые как наречия, с теми же тремя примерами из Кормчих. Значение и того, и другого слова определяются в «Словаре» предположительно, со знаком вопроса: «Оконе, *нареч* Совсем, вовсе (?); «Оконо, *нареч*. Наконец, окончательно (?)».⁴⁷

По нашему мнению, все три фрагмента из Кормчей позволяют считать, что наречие «оконо (оконе)» употреблено в Кормчей с одним и тем же значением «потом, затем».

Основой семантики наречий *оконо*, *искони*, *откони* является, как отмечает В. Л. Виноградова, корень *-конь-* со значением начала, конца, вообще какого-либо предела. Существительное *конь* означает «предел», «начало», «конец» и т. д. Существительные *конь*, *конь*, пишет В. Л. Виноградова, употреблялись с различными предлогами, приставками, образуя целый ряд наречий. Самое известное из них — *искони* (изъ +

⁴² Даль В Толковый словарь живого великорусского языка М, 1955 Т 2 С 661

⁴³ Югов А К Слово о полку Игоре в М 1945 С 87. 161—162

⁴⁴ Виноградова В Л О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игоре в» С 126—146

⁴⁵ В Л Виноградова склонна считать наречие *оконо* (*оконе*) синонимичным наречию *искони* и наречиям *отъкони* (*отъкона*), имеющим значение «вначале, сначала»

⁴⁶ Виноградова В Л О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игоре в» С 145

⁴⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв М 1987 Вып 12 С 335 и 336

кони) со значением «вначале, сначала». В таком же значении употреблялось, очевидно, и наречие *отъкони* (вариант: *отъкона*), которое встречается как вариант наречия *искони*.⁴⁸ Что же касается наречия *оконе*, *оконо*, то на основании трех примеров из Кормчей можно говорить, на наш взгляд, об употреблении наречия *оконо* в значении «затем, потом (завершив предыдущее действие)». Приводимые ниже фрагменты из Кормчли взяты из статьи В. Л. Виноградовой. Знаки препинания в них расставлены нами.

1. Рѣхъ: «Ци приливати воды к вину, коли даючи, яко тои в великое говѣние творимъ, служаще постную?» — «Досыть, — рече, — едино вино». Се рѣхъ: «Како то [запасное причастие, подсушиваемое для хранения на долгое время, а затем, во время причастия, опускаемое в потир с вином] оконо [в рукоп. БАН, 21. 5. 4 — окне] бес крове отимаеть?» — «И наквапи, — рече, — лошьюко ис потиря, когда отимаа» (Кормчая, кон. XV в., рукоп. Овчинникова, ф. 209, № 150, л. 270 об.). Речь здесь идет о последовательных действиях при приготовлении причастия. Задается вопрос: Как то (причастие) *потом* (то есть после погружения в потир с вином, символизирующим кровь Христа) без крови вынимает?

2. «А на литургии даси ему [тому, кто переходит в православие] причастье, и тако держиши, яко и новокрещенаго...». И оконо тако молвяше: «Цесаригородѣ, — рече, — толко в лентыи станеть, колы мажут и мюромь, а маслом, — рече, — не мазати» (Новгородская Кормчая, 1282 г., рукоп. ГИМ, Синодальное собр., № 132, л. 520—520 об.). Здесь, на мой взгляд, также очевидно значение «затем, потом» у наречия *оконо*: сказав одно, говорящий *затем* «такое молвяше...».

3. Рѣхъ митрополиту: «Причащатися попадьи у своего попа достонть [ли]?⁴⁹ Есть ли. — рече, — то (грѣхъ?» — «Есть ти». Оконо помолча (Новгородская Кормчая, 1282 г., рукоп. ГИМ, Синод. собр., № 132, л. 521 об.). Значение наречия *оконо* и в этом случае очевидно: сказав, говорящий *потом* помолчал.

Вероятно, «окони» «Слова» — еще одна форма наречия наряду с «оконе» и «оконо» (ср. дублетные формы другого наречия: *откона*, *откони*).

Итак, бросив жребий о девицу себе любу (совершив поход на Новгород), Всеслав *после этого* (затем, потом) подперся (воспользовался) клюками-коварством своих врагов, словно богатырь волшебной клюкой, и скакнул, подобно богатырям, к Киеву.⁵⁰

IV. Оказавшись же в Киеве, Всеслав «...дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго».

Общий смысл этой фразы все понимают одинаково: Всеслав стал киевским князем. Но слово «стружие» толкуют по-разному, а это вносит разные оттенки и в смысл всей фразы.

⁴⁸ См. об этом: Виноградова В. Л. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве». С. 142—143.

⁴⁹ Частица «ли» в цитируемой рукописи отсутствует. Вставлена по рукописи XVI в.: ГБЛ, Тр.-Серг., ф. 304, № 205.

⁵⁰ Д. С. Лихачев видит здесь другой мотив устного народного творчества. По его мнению, Всеслав скакнул к Киеву и дотронулся стружием золотого киевского стола — как Иванушка в русских сказках, который скачет на коне до царевны, сидящей высоко в тереме, и успевает снять кольцо с руки у царевны. См.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 58.

Существуют такие толкования слова «стружие»: ⁵¹

1. копьё (И. И. Срезневский, ⁵² В. П. Адрианова-Перетц ⁵³);
2. древко копья (Д. С. Лихачев, ⁵⁴ В. Л. Виноградова ⁵⁵);
3. часть воинского атрибута типа знамени, знака (Г. Е. Кочин ⁵⁶);
4. навершие знамени (Г. В. Вилинбахов ⁵⁷);
5. род жезла, трости, посоха (Д. И. Прозоровский ⁵⁸); княжеская регалия типа скипетра (Д. В. Айналов ⁵⁹) нечто вроде маршальского жезла (Б. А. Рыбаков ⁶⁰).

Автор статьи «Стружие» в «Энциклопедии» «Слова», А. Г. Бобров, даёт такое определение. «древко; древко копья; элемент воинского или княжеского атрибута». ⁶¹ то есть объединяет предложенные ранее толкования слова «стружие»

Попробуем разобраться, что же означало слово «стружие».

В «Слове о полку Игореве» слово «стружие» употреблено дважды. кроме рассматриваемого контекста оно использовано при описании преподнесенного Игорю трофея, одной из частей которого было «сребрено стружие»:

Чрълень стягъ
Бѣта хорюговъ
Чрълена чолка,
Сребрено стружие —
Храброму Святѣставличю

Речь здесь, конечно же, идет о половецком знамени. Автор называет отдельные части этого знамени: стяг (древко), хоругвь (полотнище знамени), челка (бунчук) и серебряное стружие (металлическое навершие древка в виде яблока). Однако в рассматриваемом выражении — «дотчеся стружиемъ злата стола кievскаго» — слово «стружие» вряд ли означает навершие знамени. Понять его значение в данном контексте помогает другой памятник — Хождение игумена Даниила. В Хождении игумена Даниила слово «стружие» употреблено при описании распятия: «Есть же Распятие Господне къ востоку лицъ, есть же на камени високо было, яко стружия выше». ⁶²

⁵¹ О различных толкованиях слова «стружие» см Стружие // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л 1978 Вып 5 С 238—239 Бобров А Г Стружие // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб 1995 Т 5 С 75—76

⁵² И И Срезневский на основании двух приведенных им примеров из «Слова» определяет значение слова «стружие» как «копьё», но со знаком вопроса На основании примера из Хождения игумена Даниила И И Срезневский выделяет второе значение слова «стружие» но не определяет его, ставя знак вопроса См Срезневский Материалы СПб, 1912 Т 3 С 559

⁵³ См Адрианова-Перетц В П «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков Л 1968 С 85

⁵⁴ Лихачев Д С Комментарий исторический и географический С 456

⁵⁵ См Стружие С 238

⁵⁶ Кочин Г Е Материалы для терминологического словаря Древней Руси Л 1937 С 350

⁵⁷ При составлении «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» О В Творогов консультировался с Г В Вилинбаховым, устно высказанное предположение которого что стружие — это навершие древка у знамени, приведено в «Словаре-справочнике Слова о полку Игореве» (Л 1984 Вып 6 С 130)

⁵⁸ Прозоровский Д Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве» СПб, 1882 С 235

⁵⁹ Айналов Д В Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М Л 1935 Т 2 С 84—88

⁶⁰ Рыбаков Б А Петр Бориславич С 44—45

⁶¹ См Бобров А Г Стружие С 75

⁶² Хождение игумена Даниила // БЛДР СПб 1997 Т 4 С 38

В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Продолжая описывать „распятие“, Даниил, как всегда, вспомнил евангельский рассказ, связанный с этим местом: он указал на „расселину на камени“, куда „сниде кровь и вода из ребр владычень“, когда один из воинов копьем пробил ребра умершего Христа. Держа в памяти этот рассказ и напоминая о нем цитатой читателю, Даниил этим копьем, которое он назвал более привычным ему именем „стружие“, измерил высоту камня под распятием».⁶³

Мы полагаем, что слово «стружие» означает в данном случае не копьё в целом, а *часть* копья — металлическое навершие древка. Игумен Даниил определил высоту камня высотой копья — *до стружия* и выше (высота копья составляла 1.5—2 м⁶⁴) — отсылая к евангельскому сообщению о том, что один из воинов копьем пробил ребра умершего Христа.

В таком же значении слово «стружие» встречается дважды еще в одном памятнике — в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. В одном случае здесь говорится о том, что воины били мятежников «стружии», то есть металлическими концами копий, а во втором случае рассказывается о том, что римляне привязывали к стружиям (наконечники копий) серпы, чтобы достать и срезать висевшие на стенах мешки.⁶⁵

Итак, слово «стружие» означало металлическое навершие древка знамени или копья. Для насадки этого металлического навершия верхний конец древка состругивался, что и объясняет происхождение слова «стружие»: М. Фасмер связывает его со словами «струг» и «строгать»;⁶⁶ еще более близкие в фонетическом отношении слова — «стружить» и «стружа» (скребок), также приведенные М. Фасмером в его словаре В знамени «стружие» — это серебряное навершие древка в виде яблока, в копьё — металлический наконечник, «боевой» конец копья.⁶⁷

Таким образом, Всеслав «дотчеся» (дотронулся, коснулся) золотого стола киевского не жезлом (Б. А. Рыбаков) и не древком копья, «прикладом» (Д. С. Лихачев), а именно «боевым» концом копья, то есть копьём в обычном значении этого слова. «Дотчеся стружием» синонимично, на наш взгляд, выражению «взял копьём», а не противопоставлено ему, как считал Д. С. Лихачев.

Д. С. Лихачев пишет: «Чтобы понять значение этого выражения „Слова“ — „дотчеся стружием злата стола киевскаго“, следует обратить внимание на военный термин „добыть копием“ или „взять копием“, означавший захват чего-либо военной силой (далее Лихачев приводит ряд примеров из летописи. — Л. С.). Это символическое значение в древней Руси „копья“ придает особый оттенок выражению „Слова“... Всеслав Полоцкий не взял Киев „копием“ — он только „доткнулся“ его, всего семь месяцев пробыл киевским князем в 1068 г. Он взял его не военной силой, но и не мирным путем, придя к власти через восстание киевлян. Он „до-

⁶³ См Адрианова-Перетц В П «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков С 85

⁶⁴ Арциховский А В Русское оружие X—XIII вв // Доклады и сообщения ист ф-та МГУ 1946 Вып 4 С 11 См Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 2 С 207—208

⁶⁵ Мещерский Н А История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе М, Л, 1958 С 272, 303 Цит по Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л, 1978 Вып 5 С 239

⁶⁶ Фасмер М Этимологический словарь русского языка М, 1987 Т 3 С 783

⁶⁷ Об устройстве копья см Денисова М М, Портнов М Е, Денисова Е Н Русское оружие XI—XIX вв М, 1953 С 38 Цит по Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 2 С 208

ткнулся“ золотого киевского стола „стружем“ — дровком копя; сейчас мы сказали „прикладом“». ⁶⁸

В приведенном высказывании Д. С. Лихачев толкует выражение «взять копьём» как «захват чего-либо военной силой»; в другом издании исследователь переводит выражение «взять град копьём» иначе: «взять город приступом». ⁶⁹

Между тем С. М. Соловьев противопоставляет два этих способа взятия города, он указывает два выражения, использовавшиеся при описании взятия города: «взять город на щит» и «взять город копьём». Он пишет: «Упоминаются взятия городов *копьём* (приступом) и взятия *на щит* (сожжение, разграбление, плен, истребление жителей); нет права думать, чтобы там, где упоминается взятие на щит, непременно прежде было взятие приступом». ⁷⁰

Итак, «взять город копьём» — значит взять город, не разрушая его, не входя в него с оружием (находясь от него на некотором расстоянии, «на длину копья»): либо осадой принудив противника к сдаче города, либо победив противника в сражении за городом, либо, как в случае со Всеславом, победив противника без боя, будучи приглашенным на княжение жителями города.

V. Что же случилось после того, как Всеслав «скочи къ граду Киеву» и «дотчеся стружемъ злата стола кievскаго», стал киевским князем? Он

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ пльночи изъ Бѣла-града,
Обѣсися синѣ мьглѣ

Автор напоминает нам этими строчками, чем закончилось киевское княжение Всеслава. В «Повести временных лет» говорится, что Всеслав, узнав о том, что Изяслав идет с ляхами на Киев, вышел ему навстречу, но «бывши нощи, утаивъся кыянь, бѣжа из Бѣлаграда Полотъску». ⁷¹ Автор дважды употребляет слово «скочи»: «скочи къ граду Киеву» — «скочи отъ нихъ...». Молниеносностью движений подчеркивается как недолгое киевское княжение Всеслава — всего семь месяцев (прискакал — ускакал), так и «вещая» натура Всеслава. Не случайно скачет он «лютым зверем», то есть волком, ⁷² и ночью (как волк-оборотень).

Смысл рассматриваемого фрагмента зависит от того, как переводятся слово «обѣсися» и слово «мгла». ⁷³

М. А. Максимович писал: «Обѣситися по-славянски — значит повеситься; обѣсися синѣ мьглѣ — повесился, повис в синем тумане, то есть полетел». ⁷⁴ (Ср. перевод Е. В. Барсова: «повис в синем тумане» и

⁶⁸ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С 456

⁶⁹ Лихачев Д. С. Повесть временных лет (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет СПб, 1996 С 289

⁷⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч М, 1988 Кн 2, т 3 С 22

⁷¹ Повесть временных лет М, Л, 1950 Ч 1 С 115

⁷² «Лютый зверь» как идиоматическое выражение является названием льва. В переводных памятниках «лев» переводится «лютый зверь». Но выражение «лютый зверь» употреблялось и как свободное словосочетание, тогда оно могло служить эвфемизмом и других зверей волка, рыси. См. об этом Лихачева О. П. Лев — лютый зверь // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 129—130

⁷³ См. об этом Мгла // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л, 1969 Вып 3 С 81—83, Творогов О. В. Мгла // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 3 С 228—229

⁷⁴ Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1880 Т 3 С 653

В. Н. Перетца: «повис в синей мгле».) Перевод М. А. Максимовича не вызывает возражений с грамматической точки зрения. Но вряд ли «повис в синем тумане» означает «полетел». М. А. Максимович ссылается на то, что об Игоре сказано: «и полете соколом под мглами». Однако это совсем разные выражения, «повис» — вовсе не то же, что «полетел», а «в синем тумане» — вовсе не то же, что «под облаками». Кроме того, Игорь *соколом* полетел под облаками, а Всеслав «скакнул» от киевлян «лютым зверем», то есть волком.

Другие исследователи понимают мглу как ночную тьму, связывая фразу «объсися синѣ мьглѣ» с *ночным* бегством Всеслава. Д. С. Лихачев в своем комментарии к «Слову» подчеркивал: «„Синяя мгла“ — это мгла ночи, а не „синее облако“, как предполагали некоторые комментаторы. „Слово“ в своей фактической стороне совпадает здесь с „Повестью“ (Повестью временных лет. — Л С.), хотя поэтически по-иному осмысляет исторические факты: Всеслав „лютым зверем“ ночью бежит от киевлян из Белгорода, скрывшись от них в синей ночной мгле».⁷⁵ Стронники этой точки зрения переводят рассматриваемое выражение так: «закрывшись мглою синею» (первые издатели), «когда спустилась синяя мгла» (В. В. Капнист), «синию мглою обвешенный» (В. А. Жуковский), «завесившись синию мглою» (А. С. Орлов, И. П. Еремин), «объятый ночной тьмою» (Д. С. Лихачев), «и окутался синию мглою» (В. И. Стеллецкий). Б. Гаспаров толкует это выражение так: Всеслав «растворяется» во мгле.

А. К. Югов указал на то, что перевод «завесившись, закрывшись синей мглою» неверен, поскольку «объсися» — не причастие, а глагол в форме аориста. По словам А. К. Югова, фразу переводить можно только так: «обнял синее облако» или «повиснул на синем облаке».⁷⁶ А. В. Соловьев развил эту точку зрения, указав, что в переводных памятниках глагол «обесися» передает греческий глагол, который «значит дословно *обвивать*, а в среднем и страдательном залоге *обвиваться* вокруг чего, привеситься, также и *обнять*, *обхватывать*». Так как греческий язык не знает ни творительного, ни предложного падежей, то для косвенного дополнения остается дательный, и *обвиться* вокруг чего (в смысле: *обнять* кого) передается дательным... Итак, «обеси ся сине мьгле» следует перевести «повис на синем облаке», причем *сине мьгле* — это древний дательный падеж косвенного дополнения».⁷⁷

А. К. Югов сопоставляет образ Всеслава, летящего на ночном синем облаке, с эпизодом из «Жития Исайи Ростовского», который вместе со своими спутниками был перенесен на облаке в Киев, а после освящения церкви, опять-таки на облаке, обратно в Ростов, а также с полетом на облаке апостолов.⁷⁸ Но это сопоставление, по словам О. В. Творогова, «не так безусловно, как может показаться на первый взгляд. В житии специально подчеркивается, что Христос Исайе „даруеть... дарь равень со апостола: якоже убо славнии апостола на облацѣ носими... тако и сей блаженный облакомъ носимъ бысть“. Однако это полет на облаке, а не „повиснув на нем“, и аналогия с Исайей здесь неуместна: ведь не хочет же А. К. Югов сказать, что и колдун Всеслав был „равен со апос-

⁷⁵ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С 457

⁷⁶ Югов А. К. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М. Л., 1955 Т. II С 19—20 См также Югов А. К. Слово о полку Игореве М., 1945 С 160

⁷⁷ Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ М. Л., 1964 Т. 20 С 374

⁷⁸ Югов А. К. Образ князя-волшебника С 19—20

толы“ Так что если уж искать аналогии, то не в христианской агиографической традиции». ⁷⁹

Кроме того, в «Слове» подчеркивается, что Всеслав-волкодлак по ночам молниеносно передвигается в своем другом, волчьем теле. И от киевлян ночью («въ плъночи») он «скакнул» «лютым зверем», то есть волком. В этот контекст абсолютно не вписывается образ Всеслава, висящего на облаке.

Еще одно возражение, высказанное О. В. Твороговым против толкования А. К. Югова, таково: «автору „Слова“, прекрасно чувствующему цвет и умело использующему цветовую гамму, странно было бы назвать облако „синим“ (то есть темным) в описании ночного полета Всеслава». ⁸⁰

О. В. Творогов высказывает мысль, что «вероятно, ближе всего к истине Лихачев, понимающий его (выражение «объсися синѣ мъглѣ». — Л С.) как указание на ночное бегство Всеслава, на „мглу ночи“ и, возможно, что глагольная форма первоначально читалась „объсився“, а не „объсися“, как в Первом издании». ⁸¹

По нашему мнению, следует вернуться к переводу М. А. Максимовича: «повис в синем тумане», но толковать его иначе. Это образное выражение, смысл которого можно передать современными устойчивыми сочетаниями «повис в воздухе», оказался «в подвешенном состоянии», «между небом и землей». После того, как Всеслав усакал «волком» от киевлян из Белгорода, он «повис в синем тумане» — оказался в подвешенном, неопределенном положении, без пристанища. Нам представляется, что в таком значении выражение «объсися синѣ мъглѣ» очень хорошо вписывается в контекст фрагмента о Всеславе. После своего недолгого киевского княжения, после бегства от киевлян из-под Белгорода Всеслав действительно оказался в неопределенном состоянии, без княжеского стола, в положении изгоя. Бежавший 15 апреля 1069 г. из Белгорода в Полоцк, Всеслав был изгнан оттуда сыном Изяслава Мстиславом. И смог вернуть свой Полоцк только в 1071 г. Фразой «объсися синѣ мъглѣ» автор «Слова» подчеркивает, что удача, улыбнувшаяся Всеславу (он стал киевским князем), только осложнила положение Всеслава, обернулась для него очередной раз бедой (ср.: «часто бѣды страдаше»). Такое прочтение фразы «объсися синѣ мъглѣ» косвенным образом подтверждается тем, что автор «Слова» и в другом случае противопоставит незначительную удачу последовавшей за ней большой беде.

VI. После рассказа о киевском княжении Всеслава идет фраза, над толкованием которой долго бились комментаторы, но которую до сих пор нельзя считать до конца ясной. ⁸²

Утръже вази с три кусы
Оттвори врата Нову-граду
Разшибе славу Ярославу

Первая строка по-разному читается в первом издании и в Екатерининской копии. В Екатерининской копии, как полагают исследователи,

⁷⁹ Творогов О В Об истолковании «темных мест» в тексте «Слова о полку Игоре-ве» // РЛ 1985 № 4 С 40

⁸⁰ Там же С 39

⁸¹ Творогов О В Мгла С 229

⁸² Изложение различных точек зрения см Куса, Кузь // Словарь-справочник «Слова о полку Игоре-ве» Л, 1969 Вып 3 С 38—42, Творогов О В 1) Об истолковании «темных мест» в «Слове о полку Игоре-ве» С 41, 2) Кузь // Энциклопедия «Слова о полку Игоре-ве» СПб, 1995 Т 3 С 123—124, 3) Стрикусы // Там же СПб, 1995 Т 5 С 71—72

текст древнего списка передан точнее: «Утръже вазнистри кусы». В первом издании читается: «Утръ же воззни стрикусы», с курьезным, по словам Р. О. Якобсона, переводом: «поутру же вонзиз стрикусы». Осмыслив «стрикусы» как орудие,⁸³ первые издатели слово «вазни», стоявшее в рукописи, исправили, вероятно, на «воззни», более близкое «вонзи». Исследователи по-разному толковали слово «стрикусы», пытались объяснить его этимологически.⁸⁴ Прочтение это сомнительно уже потому, что получалось, будто Всеслав на следующее утро («утръ же») после бегства из Белгорода от киевлян «отворил врата Новгорода». Однако последовательность событий была обратной, и это дает основание решительно отказать от прочтения «стрикусы».⁸⁵

На основании чтения Екатерининской копии Р. О. Якобсон в 1948 г. предложил новое прочтение рассматриваемого выражения. Ничего не изменяя в чтении Екатерининской копии, он лишь соединил в одно слово «утръ же», а непонятное «вазнистри» разбил на три слова: «вазни с три». Фраза получила в прочтении Р. О. Якобсона следующий вид: «Утръже вазни с три кусы».⁸⁶ Перевел Р. О. Якобсон эту фразу следующим образом: «знать трижды ему удалось урвать по кусу удачи»⁸⁷ или «урвал удачи с три куса».⁸⁸

Разбивка фразы на слова, предложенная Р. О. Якобсоном, не вызывала сомнений и была принята многими исследователями. Ее безупречность с грамматической точки зрения показал Н. М. Дылевский: «Сочетание предлога „съ“ с числительным в винительном падеже обозначения приблизительного количества было известно древнерусскому языку и встречается в нем довольно часто».⁸⁹ Но многие исследователи отметили при этом искусственность конструкции «с три кусы» применительно к контексту «Слова».⁹⁰ Н. М. Дылевский задал вопрос: «Почему представление приблизительного количества связывалось с величиной, которая, казалось бы, не должна была вызывать такого представления — „с три кусы вазни“ («с три куска удачи» — в интерпретации А. В. Соловьева⁹¹)?». По мнению Н. М. Дылевского, «более естественным в данном случае было бы сочетание „три кусы вазни“ (без предлога «с» — «урвал три куска, куска удачи»). Ведь „удач“ у Всеслава было ровно три, количество их строго определено, они вполне

⁸³ В примечании слово «стрикусы» поясняется первыми издателями так «по смыслу речи *стрикусь* не иное что как стенобитное орудие, или род тарана при осаде городских ворот употребляемого»

⁸⁴ Творогов О В Стрикусы С 71—72

⁸⁵ Несмотря на это чтения «стрикусы» придерживаются как отмечает О В Творогов и некоторые современные переводчики «Слова», например И И Шкляревский

⁸⁶ См La Geste du Prince Igor New York 1948 P 68

⁸⁷ Ibid

⁸⁸ Якобсон Р О Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки С 104

⁸⁹ Дылевский Н М «Утръ же воззни стрикусы отвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка // ТОДРЛ М Л, 1960 Т 16 С 63—66

⁹⁰ Критику этого чтения см Мещерский Н А К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории феодальной России Л, 1971 С 96, Трубачев О Н Этимология и текст // Современные проблемы литературоведения и языкознания К 70-летию со дня рождения акад М Б Храпченко М 1974 С 448—449 Орел В Э «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // Слово о полку Игореве Комплексные исследования М 1988 С 127 Н А Мещерский писал об искусственности словосочетания «с три кусы» В Э Орел, например отмечает что «все объяснения, исходящие из членения с *три кусы*, неудачны не только этимологиями самой формы *кусы*, но и общей „угловатостью“ синтаксической конструкции»

⁹¹ Соловьев А В Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М Л, 1957 Т 13 С 653—654 *Примеч Н М Дылевского*

конкретны, и их не следовало бы измерять мерою приблизительного количества. Три удачи вешего Всеслава: он занял Новгород, „расшиб славу Ярославу“ и „сел даже на столе“ в Киеве».

Однако это мнение о «трех удачах» Всеслава ошибочно. О занятии киевского престола в данной строфе вообще не говорится, ибо об этом шла речь ранее. А фразы «отворил врата Нову-граду» и «расшиб славу Ярославу» говорят об одном и том же событии: он захватил Новгород и *тем самым* расшиб славу Ярославу.

Выражение «расшибить славу» — одно из дружинных образных выражений со словом «слава». «Звенеть в прадедную славу» — гордиться ею, пользоваться ею для устрашения врага. «Притрепать славу» предка — поддержать ее своими героическими действиями. «Высочить из славы» предка — поступать иначе, чем героический предок, не поддержать его славы. «Расшибить славу» — значит лишить противника его былой славы победителя, победив его самого или его потомков. Мотив отмщения потомками за предков находим в «Слове» и в другом месте: готские девы «лелеют» месть Шароканю (Кончак, пленив Игоря, отомстил за пленение прадедом Игоря, Святославом, деда Кончака Шарукана).

Выражение «расшибе славу Ярославу» комментируется по-разному. Д. С. Лихачев пишет: «С Ярославом Мудрым в Новгороде Великом связывались представления как об основателе новгородской независимости. Ярослав княжил в Новгороде по 1016 г., ослабив зависимость Новгорода от Киева и дав новгородцам не дошедшие до нас „грамоты“, в которых новгородцы вплоть до конца XV века видели главное обоснование своей независимости».⁹² При таком толковании непонятно, какую славу Ярослава «расшиб» Всеслав, ведь после того, как Всеслав захватил Новгород и разграбил его, новгородцы не лишились своей независимости. Скорее всего, правы те исследователи, которые считают, что Всеслав, взяв Новгород, отомстил за поражение своего отца Брячислава, побежденного Ярославом, — этим и расшиб славу Ярослава как победителя.⁹³ В 1021 г. Брячислав, совершив набег на Новгород и «ополонившись», возвращался назад. Но его догнал Ярослав, разбил и вернул новгородцев, захваченных Брячиславом в плен.⁹⁴ Теперь, в 1067 г., Всеслав совершил набег на Новгород и забрал священные реликвии, в том числе снял колокола со Святой Софии. Б. А. Рыбаков отметил: «Обо всех деталях взятия Новгорода Всеславом хорошо помнили современники автора „Слова о полку Игореве“: в 1178 году князь Мстислав (сын Ростислава Мстиславича) задумал поход с новгородцами на полоцкого князя: „Ходил бо бьяше дед его (дед полоцкого князя, то есть Всеслав. — Л С) на Новгород и взял ерусалим церковный и сосуды служебные...“ (Ипат. лет. С. 412)».⁹⁵

Итак, нельзя говорить о трех удачах (или трех кусах удачи) Всеслава, поэтому поправка Н. М. Дылевского «урвал удачи три кусы» неправомерна.⁹⁶ Д. С. Лихачев, соглашаясь с разбивкой фразы на слова, предло-

⁹² Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С 48

⁹³ Б. А. Рыбаков пишет, комментируя фразу «расшибе славу Ярославу» «Ярослав победил Брячислава Полоцкого, овладевшего Новгородом в 1021 году. Теперь, в 1066 году, сын Брячислава, Всеслав, взял Новгород принадлежавший сыновьям Ярослава» (см. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич С 38)

⁹⁴ См. Повесть временных лет СПб 1996 С 64

⁹⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» М, 1972 С 456

⁹⁶ По этой же причине, в частности, нельзя принять и толкование Э. Я. Гребневой. Она предлагает вернуться к чтению «утрь же возни», а «с три кусы» понимать как указание на три дела, поступка (существование в русском языке такого значения слова «кусь» исследовательница предполагает на основании других славянских языков), совершенные Всесла-

женной Р. О. Якобсоном, возразил против перевода — «урвал удачи с три клока» или, по Н. М. Дылевскому, — «урвал удачи три клока» «Никак не могу согласиться, однако, с самим литературным образом „трижды урвать по кусу удачи“. В свете данных литературоведения, — пишет Д. С. Лихачев, — „кусок удачи“ — находка явно неудачная. В древнерусской литературе мы не найдем образа схожего или однотипного». Д. С. Лихачев предложил иначе разбить выражение на синтагмы и читать: «Утърже вазни, съ три кусы отвори врата Нову-граду» и следующий перевод: «Урвал (захватил) счастье (удачу), в три попытки (или «с трех попыток»),⁹⁷ отворил врата Новгороду (т е занял город)». Как видим, согласно толкованию Д. С. Лихачева, Всеслав урвал один кусок удачи: захватил с трех попыток Новгород. «Значение слова „кус“ — „покушение“, „попытка“ подтверждается многими языками, — пишет Д. С. Лихачев. — ...Если бы в древнерусских текстах удалось найти слово „кус“ в значении „попытка“, „покушение“, „искус“, то чтение этого места „Слова“ можно было бы считать окончательно определенным».⁹⁸

Такое слово было найдено, правда, в несколько иной форме и в несколько ином значении. В. Л. Виноградова⁹⁹ указала на слово «куса» — вариант слова «хуса» со значением: 1. «набег, нападение»; 2. «война, поход», а также — «засада» и «отряд, войско». Слово «куса» было обнаружено ею в двух Прологах (XIV и XVI вв.) на месте более частого «хуса».¹⁰⁰ В большинстве Прологов слово «хуса/куса» было заменено словом «рать». По мнению В. Л. Виноградовой, автор «Слова о полку Игореве» предпочел слово «хуса» («куса») при перечислении событий биографии князя Всеслава Полоцкого потому, что «ему надо было подчеркнуть внезапность, а возможно, и грабительский, разбойничий характер походов-набегов Всеслава на Новгород. Все эти оттенки заключались в слове „хуса“ («куса»), в противоположность нейтрально окрашенному и многозначному слову „рать“. Понимание слова „куса“ («хуса») в „Слове о полку Игореве“ в значении „набег, нападение“ может быть оправдано и исторически. Князь Всеслав Полоцкий, по-видимому, напал на Новгород трижды».¹⁰¹

вом утром следующего дня См Гребнева Э Я Загадочные стрикусы в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л 1986 С 122—128 Это прочтение не может быть принято и потому что как уже говорилось последовательность событий была иной

⁹⁷ Запятая в этом месте поставлена, вероятно, ошибочно (машинально воспроизведена пунктуация Якобсона), поскольку Д. С. Лихачев предложил принципиально иное членение на синтагмы (что и отражает первая запятая)

⁹⁸ Лихачев Д. С. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М. Л. 1962 Т. 18. С. 587 По мнению Н. А. Мещерского, при толковании фразы, предложенной Д. С. Лихачевым следовало бы ожидать написания «с три кусы» См Мещерский Н. А. К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве» С. 93—97 Но в издании «Слова» 1985 г. Н. А. Мещерский принимает чтение «утърже вазни съ три кусы» с переводом «урвал удачи с три куса» См Слово о полку Игореве Л, 1985 С. 32—43 475

⁹⁹ Виноградова В. Л. Еще одна догадка о «стрикусы» «Слова о полку Игореве» // ИЮЛЯ 1969 Т. 28 вып. 1 С. 71—74

¹⁰⁰ Слово «хуса» встречается также в Хронике Георгия Амартола в двух значениях: 1. Набег с целью сбора фуража (с. 562—563) и «отряд войско» (с. 567) См Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе Текст исследование и словарь Пг. 1920 Т. I С. 562—563, 567 Благодарю за это указание О. В. Творогова

¹⁰¹ Виноградова В. Л. Еще одна догадка о «стрикусы» С. 74

При переводе слова «куса» как «набег», «нападение» перевод всей фразы выглядит у В. Л. Виноградовой так: Всеслав «урвал удачу: с трех набегов отворил врата Новгорода». Как видим, В. Л. Виноградова делит фразу так же, как Д. С. Лихачев. При таком чтении получается, что Всеслав с трех набегов, то есть с трех раз, с *третьей* попытки, овладел Новгородом, что не соответствует действительности. Во-первых, нам не известно достоверно, был ли третий поход Всеслава на Новгород.¹⁰² Он предполагается С. М. Соловьевым на основании того, что весной 1077 г. Владимир Мономах ходил к Новгороду «Глебови в помочь», о чем он пишет в своем «Поучении».¹⁰³ Во-вторых, и это главное, — удачным был первый набег (в 1067 г.), следовательно, нельзя сказать, что Всеслав с трех набегов, то есть с третьей попытки, овладел Новгородом.

А. А. Горский предлагает считать удачей, достигнутой с трех попыток, вокняжение Всеслава в Киеве, поскольку «главным для автора в рассказе о Всеславе было его киевское княжение».¹⁰⁴ По А. А. Горскому, Всеслав «урвал удачу» (стал киевским князем) «с трех кус» (попыток или походов): отворил ворота Новгорода (расшиб тем самым славу Ярослава), скакнул волком до Нemiги. Третья попытка (или поход) — захват Киева. Однако рассматривать грабительский набег на Новгород как первую попытку завладеть Киевом — большая натяжка. Еще большая натяжка рассматривать как вторую попытку захвата киевского стола сражение на Нemiге, которое на самом деле было сражением Всеслава на собственной земле с целью отбить захваченный Ярославичами «полон» и награбленное имущество. Невозможно даже считать попыткой стать киевским князем само вокняжение Всеслава на киевском столе в 1068 г. Всеслав не предпринимал никаких действий для этого, не делал никаких «попыток» и не совершал никаких «походов» (слово «кус/кусы» А. А. Горский переводит двояко: или попытка, или поход).

Итак, существует три основных толкования рассматриваемого фрагмента при разбивке на слова, предложенной Р. О. Якобсоном: 1) урвал удачу с три куса (или три куса); 2) урвал удачу: с трех попыток / походов отворил врата Новгороду; 3) урвал удачу с трех попыток / походов. сел на киевский стол. Ни одно из этих прочтений не может быть принято по указанным выше причинам.

Предложу в связи с этим свое толкование рассматриваемого выражения.

По моему мнению, смысл выражения «с три кусы» не выводится из значения составляющих его слов, поскольку это несвободное словосочетание, идиома. Это одно из образных выражений, служащих в языке для самого общего указания на количество: много (очень много) или мало (очень мало). В качестве примеров можно привести следующие фразеологизмы: «с три короба» (наобещать, наговорить) — очень много; «с (на) мизинец», «с гулькин (с воробьиный) нос» — очень мало, совсем немного;¹⁰⁵ «на куриный

¹⁰² Это отметил О. В. Творогов «Ключевым в предложенной конъектуре является слово „три“. Первоначально думали, что речь идет о трех удачах Всеслава. Затем стали говорить о трех попытках овладения Новгородом. Однако по летописям известна либо одна попытка (в «Повести временных лет» под 1067 годом), либо две (в Новгородской первой и Софийской первой летописях под 1067-м и 1069 годами). Поэтому еще предстоит объяснить число „три“ в этом контексте». См. Творогов О. В. Об истолковании «темных мест» С. 42.

¹⁰³ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР СПб, 1997 Т. I XI—XII века С. 464

¹⁰⁴ Горский А. А. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» (К чтению «с три кусы») // Общественное сознание, книжность: литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 102—105

¹⁰⁵ Фразеологический словарь русского языка С. 208, 248, 285

скок» (день прибавился) — очень мало. Ряд подобных фразеологизмов указывает на рост или размер: «с коломенскую версту» — очень высокий; «с ноготок», «с пальчик», «с булавочную головку» — очень маленький, крошечный.¹⁰⁶

Слово «три» используется в целом ряде фразеологизмов, кроме уже приведенного примера укажу на фразеологизмы «в три шеи», «в три погубели», «в три дуги», «в три ручья», «в трех шагах» «заблудиться в трех соснах», «из третьих рук», «из третьих уст», «видеть на три аршина в землю» и так далее.¹⁰⁷ Во всех случаях числительное «три» теряет свой конкретный смысл, становится символом либо малого, либо большого количества, величины и тому подобного.¹⁰⁸

Со словом «кус» отмечен один фразеологизм в словаре древнерусского языка: «из куса» (ходить) — побираться.¹⁰⁹ В современном языке слово «кус» является устаревшим, используется мало, употребительна форма «кусок»; это слово также использовано в нескольких фразеологизмах: «собирать куски» (жить подающим), «перебиваться с куска на кусок» (жить крайне бедно), «кусок в горло не идет», «лакомый кусок (или кусочек)» и так далее.¹¹⁰ Ср. также: «отрезанный ломоть».

Какое значение имеет выражение «с три кусы» — много или мало? На мой взгляд, его значение — немного, мало. Подтверждение этому я вижу в примере из проложного Жития Варлаама: «Ядь же бѣ блаженаго Варлаама — сочиво от земьных зелий, и того мало, а хлѣба 3 кусы, и воду поскуду».¹¹¹ Здесь речь идет о крайней умеренности в еде Варлаама: он вкушал *мало* сочива, воды «поскуду» (то есть «в небольшом количестве, скудно, мало»¹¹²) и хлеба «три кусы». Обращаю внимание читателя на то, что выражение «три кусы» из Жития Варлаама сходно по форме с выражением «с три кусы» из «Слова»; сходны они и по смыслу: и в том, и в другом случае имеется в виду не конкретное количество «кусов», а указывается приблизительное количество, порядок количества: много-мало.

Интересно, что «вазнь» здесь не персонифицируется, как, например, в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия («от него отбиде вазнь»),¹¹³ а представляется скорее в виде каравая, от которого Всеслав успел отхватить, урвать несколько «кусов».¹¹⁴ Слово «утрѣже» означает именно «отделить, отсесть часть от чего-либо целого».¹¹⁵ На то, что

¹⁰⁶ Там же С 60 113 283

¹⁰⁷ Там же С 531, 466, 481

¹⁰⁸ В подобного рода фразеологизмах используются и другие символические числа семь, десять, тридцать «семи пядей во лбу», «за семь верст киселя хлебать», «бешеной собаке семь верст не крюк», «на седьмом небе» (от счастья), «дело десятое», «за тридцать земель»

¹⁰⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1981 Вып 8 С 143

¹¹⁰ Фразеологический словарь русского языка С 218

¹¹¹ Цит по Словарь русского языка XI—XVII вв Вып 8 С 143

¹¹² Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1991 Вып 17 С 171

¹¹³ Вазнь у древних славян — божество случайной удачи, счастливого случая В Изборнике Святослава 1073 г ответ на вопрос, что есть вазнь, начинается так «Вазнь убо отъ елинъ наричеться » и далее указывается что исповедующий вазнь «отъпадаетъ крѣстьянскаго учения» В связи с тем, что в ответе содержится прямая ссылка на «елинъ» следует вспомнить, что у греков была богиня счастливого случая везения, удачи — Тиха или Тихе, имя это и означало — «случайность, то, что выпало по жребию» См Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» М, Л, 1965 Вып 1 С 91, Тахо-Годи А Тиха // Мифологический словарь М, 1990 С 529

¹¹⁴ Слово «кус» означало и «то, что откушено», и «кусок, ломоть хлеба» См Словарь русского языка XI—XVII вв Вып 8 С 143—144

¹¹⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л, 1984 Вып 6 С 108—109

«вазнь» может делиться на части, указал еще Р. О. Якобсон, сославшись на текст «Пчелы»: «...уне ми имети каплю вазни, нежели бѣтарь ума».¹¹⁶ Образ, использованный автором «Слова», связан с восточно-славянскими представлениями, носящими архаический характер, о том, что Бог наделяет человека хлебом, причем вместе с «долей» (кусом) хлеба человек получает и свою долю, вместе с «частью» хлеба и свое счастье. Буханка хлеба и каждый его кусок (особенно первый) или крошка воплощали собой долю человека. Не разрешалось, чтобы один человек доедал хлеб за другим — заберешь его счастье, силу. Нельзя есть за спиной другого человека — тоже съешь его силу. Давшего во время еды хлеб со стола собакам ожидает бедность. Если во время еды крошки валяются изо рта, это предвещает скорую смерть едока. Когда упадет хлебная крошка, нужно поднять ее, поцеловать и съесть или бросить в огонь.¹¹⁷

Итак, Всеслав, *бросив жребий* на полюбившуюся девицу, Новгород, «утрѣже вазни с три кусы» — урвал немного удачи (*по жребию ему выпало немного удачи*): отворил врата Нову-граду, тем самым расшиб славу Ярославу. Возникает вопрос: почему «немного»? Вероятно, потому, что Всеслав не занял новгородский стол, он лишь пограбил Новгород и ушел из него. Незначительность удачи автор подчеркивает не случайно — он противопоставляет ее тем громадным бедствиям, которые последовали за этой незначительной удачей.

VII. Что же последовало за взятием Новгорода? Всеслав

Скочи влькомъ до Немии
Съду токъ

В первом издании эти две строки составляют одно предложение, «съду токъ» читается как «с Дудутокъ». «Дудутки» были приняты первыми издателями за географическое название, но они оставили его без комментария. Позднейшие комментаторы пытались определить местонахождение «Дудуток»: под Новгородом, под Киевом, под Псковом, под Минском.¹¹⁸ Однако «Дудутки» «Слова» так и остались нерасшифрованными. Вероятно, потому, что никаких Дудуток ни в топонимике, ни в тексте «Слова» не было.

Р. О. Якобсон еще в 1948 г. предложил убедительную конъектуру: «Рассматривая удвоение слога *ду* как диттографию..., мы читаем съду токъ (ср. в этой же фразе *на тоцѣ*)».¹¹⁹ Р. О. Якобсон ссылается на А. А. Потемню, указавшего на метафору «токъ — место битвы»: «так в сказках называется место поединка между богатырями: „дми точок“ — очищай место для поединка, приготовляйся». К этому можно добавить, что метафора «ток — место битвы» известна и в византийском героическом эпосе: «место гибели героя обозначается... распространенной в средневековом греческом эпосе общей формулой: оно всегда называется

¹¹⁶ La Geste du Prince Igor P 240—241

¹¹⁷ Топорков А Л Хлеб // Славянская мифология Энциклопедический словарь М, 1995 С 385

¹¹⁸ См об этом Дудутки // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 2 С 54 Салмина М А Дудутки // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 2 С 145—147

¹¹⁹ La Geste du Prince Igor P 92—93 См в русском переводе в кн Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 2 С 54—55 См также Якобсон Р О Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки С 120

током (или гумном) железным, мраморным или медным».¹²⁰ Р. О. Якобсон предложил такой перевод фразы: «Волком прынул он до Немиги и ток утоптал: На Немиге стелют снопы голова в голову и молотят цепами...».¹²¹ Переводить слово «сдул» словом «утоптал» вряд ли правомерно, ведь в устном народном творчестве богатыри и их мифические противники именно «дуют» ток, а не утаптывают ногами. Вероятно, это образное выражение следует оставлять без перевода, поясняя в комментарии «Сдуль токъ» — выражение заимствовано автором «Слова» из устного народного творчества: богатыри и их мифические противники (чаще Змей) перед битвой «дуют ток», то есть готовят поле битвы; в переносном смысле выражение «сдул ток» означает «приготовился к битве».

Чтение «съду токъ», предложенное Р. О. Якобсоном, подтверждается замечательным параллелизмом двух строф, в каждой из которых говорится о победе Всеслава (захватил Новгород, сел в Киеве), закончившейся неудачей. В этих двух строфах автор использует по пять глаголов (с них *начинаются* все строки, за исключением первой строки), причем по три глагола в восходящей части синтаксического периода и по два — в нисходящей. «Сду» — пятый глагол во второй из двух параллельных строф (подобный глагольный параллелизм отмечен Р. О. Якобсоном в строфах «Плача Ярославны»¹²²).

Сравним эти фрагменты:

Тѣй клюками подпрѣся окони
И скочи къ граду Киеву
И дотчеся стружемъ злата стола киевскаго —
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ пльночи изъ Бѣла-града
Обѣсися синѣ мѣглѣ
Утрѣже вазни с три кусы
Оттвори врата Нову-граду
Разшибе славу Ярославу. —
Скочи влькомъ до Немиги
Съду токъ

Далее автор «Слова» развивает метафору «ток — место битвы» и рисует картину, построенную на метафорах, характерных для устного народного творчества и, вероятно, для дружинной поэзии: «место битвы — ток», «битва — молотьба, веяние», «битва — сев».

На Немизѣ снопы стелють головами
Молотять чеши харалужными,
На тоцѣ животь кладуть
Вѣють душу отъ тѣла
Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посяяни —
Посяяни костью рускихъ сыновъ

Вот такая цена была заплачена за вазнь «с три кусы».

VIII. Следующая строфа вновь возвращает нас к *киевскому* княжению Всеслава, ибо здесь говорится о быстрых ночных передвижениях Всеслава

¹²⁰ См. Попова Т. В. Византийский народный и книжный эпос // Византийская литература. М., 1974. С. 104.

¹²¹ Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. С. 120. В другом месте у Якобсона — «подготовил ток».

¹²² Якобсон Р. О. Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. М. Л. 1969. Т. 24. С. 32—34.

из Полоцка до Киева и из Киева до Тмуторокани. Кроме того, только будучи киевским князем, Всеслав мог князьям «города рядить».

Всеславъ князь людемъ судяше
 Княземъ грады рядяше
 А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше
 Изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя
 Великому Хрѣсови вълкомъ путь прерыскаше
 Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано
 У Святыя Софеи въ колоколы —
 А онъ въ Киевѣ звонъ слыша

Автор рисует здесь двойную жизнь киевского князя Всеслава: дневную и ночную, используя легенду о Всеславе-оборотне, волкодлаке, которую мы рассмотрим далее. Днем Всеслав, как и положено князю, «людемъ судяше, / Княземъ грады рядяше». Эту фразу не раз комментировали, ссылаясь на исторические и юридические памятники.¹²³ Однако П. В. Владимиров, критикуя за это А. В. Лонгинова, отметил, что это устойчивое выражение, что «подобные выражения нередко встречаются и в былинах, и в исторических песнях, причем, последние дополняют даже значение этих выражений: „Стань-ко (Илья) нам суды судить, ряды рядить“ (Рыбников III, 25); в песнях о Щелкане: „Сидит тут царь Азвякъ суды разсуживаетъ И ряды разряживает. Шурьев дарил Городами стольными“».¹²⁴

Далее автор рисует ночную жизнь Всеслава — его ночные молниеносные броски из Полоцка до Киева и из Киева до Тмуторокани.¹²⁵ Автор дает читателю понять, что Всеслав «рыскал» по всей Русской земле, покрывая огромные расстояния с севера на юг, чуть ли не от моря и до моря — от Полоцка до Тмуторокани. Всеслав «рыщет» волком *по ночам*. На это автор указывает как прямо — «а самъ *въ ночь вълкомъ* рыскаше», так и иносказательно — из Киева до Тмуторокани Всеслав успевае прирыскае «до кур», то есть до пения петухов, до рассвета (пока действует его волшебная сила оборотня, прекращающая свое действие с восходом солнца),¹²⁶ «великому Хрѣсови вълкомъ путь прерыскаше» (Всеслав ночью бежит волком с севера на юг до восхода солнца, то есть перебегая путь солнцу, которое с рассветом начнет двигаться с востока на запад). Из Полоцка до Киева Всеслав успевае примчатся за время звона колоколов, звонивших к заутрене: когда колокола начинали звонить к заутрене, он был еще в Полоцке, а до окончания звона он уже оказывался в Киеве.¹²⁷ Здесь мы видим еще один былинный мотив — указание ско-

¹²³ См. Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Одесса 1892. С. 156, Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 100. Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ 1985 № 11 С. 19—35.

¹²⁴ Рец П. В. Владимирова на книгу А. В. Лонгинова см. Отчет о 10-м присуждении премии им. А. С. Пушкина в 1894 г. // СОРЯС 1897 Т. 63 № 1 С. 35—74.

¹²⁵ Быструю передвижения Всеслава подчеркивает в своем «Почуении» Владимир Мономах. Узнав, что Всеслав сжег Смоленск, Владимир Мономах послешил туда, но Всеслава не достиг, несмотря на то что Владимир Мономах мчался за Всеславом «о двою коня», тот оказался быстрее.

¹²⁶ Этот мотив — исчезновение колдовской (нечистой) силы с пением петухов — широко распространен, он использован, например, в сербской сказке о Трояне. Поэтому толкование «до кур» как «до пения петухов» представляется мне единственно верным отвечающим смыслу контекста. О других толкованиях выражения «до кур» см. Салмина М. А. Кур // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995 Т. 3 С. 118—122.

¹²⁷ Это толкование предложил Ф. И. Буслаев. См. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства СПб., 1861 Т. 1 С. 391.

рости движения богатыря со ссылкой на время церковных служб.¹²⁸ В былинне «Илья Муромец и Соловей-разбойник» об Илье Муромце говорится:

Из того ли-то из города из Мурома
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец
Он стоял заутреню во Муроме
А-й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град

Как видим, Илья Муромец попевает из Мурома в Киев от заутрени (после нее, *отстояв* заутреню) до обедни, то есть в утреннее время, после рассвета, а Всеслав — за время одной заутрени или, скорее, за время звона колоколов, звонивших к заутрене (в ночное время, ибо заутреня в Древней Руси начиналась за час до рассвета¹²⁹).

Упоминание поездки Всеслава в Тмуторокань исследователи объясняют по-разному. Л. А. Дмитриев предполагал, что «Тмуторокань здесь названа лишь как очень дальнее место, чтобы показать, какое огромное расстояние Всеслав мог пробежать за ночь».¹³⁰ Историки полагают, что Всеслав действительно ездил в Тмуторокань, и высказывают разные предположения о том, когда и с какой целью он туда ездил. По мнению В. А. Кучкина, в частности, Всеслав побывал в Тмуторокани до 15 апреля 1069 г. (поскольку он ездил туда из Киева) и цель поездки была дипломатической: «В Тмуторокани он „урядился“ с Глебом: передал ему

¹²⁸ С этим не согласен Д. С. Лихачев «Место это обычно толкуется как свидетельство быстроты передвижений Всеслава, он пускался в путь, когда звонили в Полоцке к заутрени и еще продолжали звонить, когда он был уже в Киеве или ему в Полоцке позвонят к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве уже звон слышал и т. п. Однако в Киеве Всеслав очутился единственный раз — в 1067 г. но не на быстрых конях, а пленником киевских князей. Здесь очевидно имеется в виду другое. Автор и выше говорит о передвижениях Всеслава не в похвалу ему, а чтобы отметить его „неприкаянность“: он людей судил и властвовал над судьбой других князей, а сам волком принужден был рыскать ночью (намек на бегство Всеслава ночью из Белгорода). Здесь же он имеет конечно в виду то обстоятельство, что Всеслав сидел в Киеве в заключении в то время, как в Полотске его считали князем и возносили за него молитвы (в выстроенной им Софии) как за князя. Вот почему в следующей фразе „Слова“ говорится: „аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“». См. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С 459 Б. А. Рыбаков также не считает, что рассматриваемое выражение указывает на быстроту передвижения Всеслава. Он понимает это место иначе: колокола звонят в Полоцке, а он в Киеве, звон их слышал, слышать колокольный звон за 500 км ему помогает колдовская сила.

¹²⁹ По словам Е. В. Барсова «заутреня в Киевской Руси оканчивалась до восхода солнца» (см. Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружиной Руси Т. 3 С. 303). Б. А. Рыбаков, напротив, утверждает, что «звон к заутрени означал восход солнца» то есть заутреня начиналась на рассвете (см. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» С. 455). В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1978 Вып. 5 С. 330) «заутреня» толкуется так: «Утренняя церковная служба», «время заутрени, раннее утро, рассвет». Заутреня начиналась в Древней Руси за час до рассвета, что следует из приводимого составителями словаря примера: «И король, государь пошел к заутренѣ за час до свѣта съ королевою». В другом древнерусском тексте о заутрене говорится как об одной из двух *ночных* молитв: «Да станемъ въ нощи на м(о)л(и)твѣ аще же и в полунощи не встанем(м) но къ самой заутрени. Покажи яко не тѣлу единому о(т)лучена естъ *нощь*, но и душѣ» (см. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) М., 1990 Т. 3 С. 354). В Чудесах Николы Мирликийского в одном из чудес (об отроке Василии) говорится о пленении Василия вместе с другими молящимися на *рассвете*, когда уже *наполновишю спели заутреню*.

¹³⁰ Дмитриев Л. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» М. Л., 1952 С. 282.

более значимый новгородский стол, а в обмен получил согласие... признать Всеслава Киевским князем».¹³¹

Однако, по наблюдению О. В. Творогова, «в рассматриваемом фрагменте все глаголы — „судяше“, „рядяше“, „рыскаше“, „дорискаше“, „прерискаше“ — употреблены в форме имперфекта, и мы должны будем, следовательно, допускать, что ночные поездки из Киева в Тмуторокань Всеслав совершал неоднократно».¹³² Вероятно, автор «Слова» говорит здесь о неоднократных ночных «рысканиях» Всеслава во время его киевского княжения в два других города — северный и южный, принадлежавших ему наряду с Киевом. На это указывает как будто и упоминание Полоцка наряду с Тмутороканью. По всей вероятности, после вокняжения Всеслава на киевском столе на княжеском съезде произошло обычное в таких случаях перераспределение волостей. Вероятно, по княжескому ряду одному из Святославичей, тмутороканскому князю Глебу Святославичу был передан новгородский стол, а Тмуторокань стала принадлежать Всеславу. Во всяком случае, судя по надписи на тмутороканском камне, зимой 1068 г. Глеб был еще тмутороканским князем, а 23 октября 1069 г. он уже сражался с Всеславом как князь новгородский. Глеб продолжал владеть Новгородом до своей смерти в 1078 г. Всеслав же, потеряв Киев, потерял, вероятно, и Тмуторокань, как и родной Полоцк. Нет никаких оснований считать, что Всеслав княжил в Тмуторокани после Киева, в 1069—1071 гг.¹³³ С. М. Соловьев, задаваясь вопросом, куда бежал Всеслав, будучи изгнан из Полоцка, отвечает на этот вопрос так: «Всеслав в 1069 году явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан, среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь».¹³⁴

Говоря о молниеносных бросках Всеслава по ночам в образе волка, автор «Слова» имеет в виду народные представления о сверхъестественной скорости передвижения волкодлаков по ночам в образе волка.

IX. Заканчивается фрагмент о Всеславе замечанием автора о горестной судьбе Всеслава и приводимой автором припевкой Бояна о Всеславе. Рассмотрим вначале припевку (афоризм) самого автора «Слова» о Всеславе:

Аше и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ
Нъ часто бѣды страдаше

Выражение «въ друзѣ тѣлѣ» во многих современных изданиях исправляется на «дрзѣ тѣлѣ», то есть дерзком теле. Это исправление было впервые предложено Вс. Миллером.¹³⁵ Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают эту конъектуру излишней. Как следует понимать выражение «вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ»?

¹³¹ Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века С 35

¹³² Творогов О. В. Об истолковании «темных мест» в тексте «Слова о полку Игореве» С 42

¹³³ Эту точку зрения высказывали В. В. Мавродин и В. А. Захаров См. Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв // Учен зап Ленингр пед ин-та им А. И. Герцена Л. 1938 Т 2 С 252, Захаров В. А. Что означает «до курь Тмутороканя» в «Слове о полку Игореве»? // ТОДРЛ Л. 1976 Т 31 С 294

¹³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч Кн 1, т 2 С 345

¹³⁵ Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве» М. 1877 С 234—235

По мнению О. В. Творогова, «при сохранении написания *друзь тѣль* эту фразу можно понимать... как обобщенное пословичное изречение: „Хотя и вещая душа в ином теле (т. е. в теле некоторых людей), но часто (тот человек) страдает от бед“». ¹³⁶ Однако в данной фразе речь, без всякого сомнения, идет о конкретном человеке — Всеславе Полоцком, о чем свидетельствует и последующий текст: «Тому (то есть Всеславу. — Л. С.) вѣщей Боянь и прѣвое припѣвку, смысленый, рече...».

Убедительное объяснение выражению «въ друзь тѣль» предложил еще Ф. И. Буслаев: «*Другое тело*, по моему мнению, означает не другого или какого-нибудь человека вообще, а именно *другое тело*, не свое собственное, а *волчье*, которое надевал на себя герой, перерыскивая путь великому Хорсу». ¹³⁷ «...сам Всеслав при этом намеке является оборотнем-волком или волкодлаком». ¹³⁸

Однако, отметив, что Всеслав изображается оборотнем-волком или волкодлаком, Ф. И. Буслаев сопоставил образ Всеслава-оборотня с чародеями, о которых пишет книга Чаровник, и с былинным Волхом Всеславичем, которые, овладев искусством магии, могли принимать облик различных животных и птиц. Ф. И. Буслаев пишет: «Перечень мифических превращений наши предки находили в книгах, известных под именем *чаровников*, напр. „еже есть сие: летают орлом, ястребом, вороном, дятлом, совою; *рыщут* рысию, лютым зверем, зверем диким, *волком*, летают змием“. Сравни в былине о Волхе Всеславиче, как он учился премудростям: „А и первой мудрости учился“ ... „обертываться ясным соколом“; ко другой-то мудрости учился он Волх „обертываться серым волком“... пр. — Сама летопись дала повод к баснословному преданию о Всеславе, „его же роди мати от *волхования*...“. Поэтому у Всеслава была душа *вещая* и переходила она в чужое тело (в *друзе теле*: прилагательное в краткой форме *вм в другом теле*...)». ¹³⁹

Если Ф. И. Буслаев, характеризуя Всеслава как оборотня, исходил из того, что он рожден от волхования и при рождении ему был «навязан» колдовской «науз» (талисман), то Р. О. Якобсон и М. Шефтель истолковали выражение «въ друзь тѣль», исходя из летописного известия о том, что при рождении Всеслава на голове его было язвено, которое, по совету волхвов, мать навязала на Всеслава. Понимая «язвено» на голове Всеслава при рождении как околоплодную оболочку, «рубашку», «другое тело» (такое толкование было предложено впервые В. Н. Татищевым ¹⁴⁰ и развито Д. С. Леонардовым ¹⁴¹), исследователи, ссылаясь на существующие поверья, пишут: «Человек, который появляется на свет, имея вторую оболочку, помимо естественной кожи, соответственно одарен магической способностью изменять по желанию свое телесное обличье и таким образом господствовать над пространством и временем. Короче говоря, он одарен „двойным зрением“ и „не одним обликом“, *eigi einhamt* согласно скальдическому наименованию оборотня. Краткое определение князя-оборотня в „Слове“ точно формулиру-

¹³⁶ См. Слово о полку Игореве» Л, 1967 С 518

¹³⁷ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства Т. 1 С. 391

¹³⁸ Там же С. 383

¹³⁹ Буслаев Ф. Русская хрестоматия 12-е изд. М., 1912 С. 99—100

¹⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская М., 1773 Кн. 2 С. 109. При этом В. Н. Татищев полагал, что в авторском тексте было не «язвено», а «яйно», значение которого и есть околоплодная оболочка.

¹⁴¹ Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время // Полоцко-Витебская старина Витебск, 1912 Вып. 2 С. 150—173

ется: „вѣща душа в друзѣ тѣлѣ“ — вещая (провидящая) душа во втором (или более чем одном) теле». ¹⁴²

Р. О. Якобсон и М. Шефтель, сравнив образ Всеслава в «Повести временных лет» и «Слове» и образ Волха Всеславича русских былин, высказали мысль, что все три повествования восходят к общему источнику, и попытались реконструировать общеславянский миф об оборотне. ¹⁴³ Этот миф сводится к следующему. У княгини или принцессы от змея-дракона родился необыкновенный сын. Он появился на свет «в сорочке», кусочек которой, по настоянию колдунов, всегда носит с собой. Ему предсказаны необычайная сила и кровожадность, пугающие даже родную мать и заставляющие дрожать сыру землю. Ребенок быстро растет. Он обладает даром ясновидения, он вездесущ и могуч, по желанию он может превращаться в ясного сокола, в лютого зверя-волка и других животных. Его жертвы не могут ускользнуть от него. Счастье сопровождает героя. Он связан с силами ночи, угрожает самому солнцу, следы его запятнаны кровью, вампиры теснятся у его жилища. Но слава и страдания все время чередуются в его жизни. Из охотника он превращается в животное, из преследователя в жертву, и наоборот. ¹⁴⁴

Каждый из трех источников, по мнению исследователей, берет не всю легенду целиком, а ее отдельные части. «Повесть временных лет» сокращает «волковый» элемент, «Слово» опускает детство героя, а былина отбрасывает трагизм Всеслава, хорошо показанный в «Слове».

По нашему мнению, такое смешение различных источников недопустимо, как недопустимо и смешение принципиально различных образов: оборотня-волкодлака и оборотня-чародея. Р. О. Якобсон и М. Шефтель вслед за Ф. И. Буслаевым характеризуют Всеслава как чародея, колдуна, способного «обращаться» в разных зверей, в том числе в волка. Таким же образом характеризуют Всеслава и другие исследователи.

А. К. Югов, например, ссылаясь на Ф. И. Буслаева, называет Всеслава волшебником, колдуном. Он пишет следующее: «Как ведомо, Ф. И. Буслаев исходил из того, что Всеслав Полоцкий — волшебник, оборотень, перевоплощавшийся в разные тела. Таковым этого князя изображает и летопись и „Слово“». ¹⁴⁵ Далее А. К. Югов, высказывая уже свое мнение, подчеркивает, что о Всеславе «и летопись, и „Слово о полку Игореве“ держатся общего мнения, что это, дескать, человек отнюдь не простой, не обычный, а волшебник, колдун». ¹⁴⁶

К этой же точке зрения склоняется и Ярослав Павлик, который, задавшись целью выяснить, «Был ли Всеслав Полоцкий в „Слове о полку Игореве“ оборотнем, колдуном, волкулаком или упырем?», пришел к выводу, что «чудесные черты князя Всеслава Полоцкого в „Слове о полку Игореве“ нельзя приурочить конкретно к отдельным „сверхъестественным“ существам, а по большей части только к более или менее широко-

¹⁴² Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Jakobson Roman Selected Writings IV Slavic Epic Studies The Hague Paris, 1966 P. 345—346 Цитир в рус переводе по кн. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1967 Вып. 2 С. 50

¹⁴³ См. также совместную работу Р. О. Якобсона и Ружичича, в которой рассматривается образ героя сербского эпоса Змея Огненного Волка в сопоставлении с образом Всеслава Полоцкого Jakobson R., Ružičić G. The serbian zmej ognjeni vuk and the russian Vseslav epos // Jakobson Roman Selected Writings P. 369—379

¹⁴⁴ Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Russian Epic Studies Philadelphia American Folklore Society, 1949 P. 68—69 Цит по Сапунов Б. В. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М. Л. 1961 Т. 17 С. 78—79

¹⁴⁵ Югов А. К. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве» С. 14

¹⁴⁶ Там же С. 16

му их комплексу. ...Притом интересно, что во всех семи случаях, когда можно было поставить в параллель со Всеславом только одно из упомянутых четырех существ, им оказывается именно колдун, впрочем, чаще всего встречающийся в литературе „Слова“ в качестве „сверхъестественной характеристики Всеслава“.¹⁴⁷

Между тем волкодлак, колдун и чародей — это разные мифологические персонажи и природа их оборотничества разная. Волкодлак — мифологический персонаж с двойной сущностью, имеющий от природы, от рождения два тела и живущий поочередно в двух телах: днем — человек, ночью — волк.¹⁴⁸ А чародей — это человек, овладевший искусством магии и способный «обращаться» сам и «обращать» других людей по своему желанию в различных животных и птиц. В книге Чаровник говорится о колдуне, который «тело свое хранит мертво», а душа его путешествует в это время в другом обличье (перечисляется 12 образов, которые мог принимать чародей). Былинный Волх Всеславич не только сам обращается в различных животных и птиц (волка, сокола, тура-золотые рога, горноста, муравья), но и обращает в муравьев свою дружину. Вольга Святославич, подрастая, обучался «мудростям» «обертываться» в различных животных: тура, сокола, волка. Былинная чародейка Маринка обладает способностью «оборачиваться» сорокою и «оборачивать» богатырей гнедыми турами («А и нет меня хитрея, мудрея, / А и я-де обернула девять молодцов, / Сильных могучих богатырей / Гнедыми турами»). Итак, герои былин, в отличие от волкодлака, не наделены от рождения способностью к оборотничеству. Подрастая, они «обучаются мудростям» обертываться в различных животных, птиц и даже насекомых. По сообщению Лиутпранда, Баян, сын болгарского царя Симеона, овладев тайнами магии, мог обернуться волком или другим животным.

У волкодлаков и былинных богатырей есть и еще одна общая черта: способность передвигаться с необыкновенной быстротой. Но и эта способность тоже разной природы. Волкодлак мчится только по ночам в своем втором, волчьем теле, в котором заключена его вещая душа, и теряет эту способность с рассветом. Былинные же богатыри скачут с невероятной быстротой в утренние часы, после рассвета, от заутрени до обедни (см. приведенные примеры при рассмотрении фрагмента VIII). А причина движения с невероятной быстротой заключается либо в волшебной клюке, помахивая которой, скачут в Киев Илья Муромец или Добрыня Никитич (см. приведенные ранее примеры при рассмотрении фрагмента III), либо в богатырском волшебном коне. В былине «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» быстрота движения богатыря описывается так:

А и выехал Илья со двора своего
 Во те ворота широкия
 Как стегнет он коня по тучным бедрам
 А и конь под Ильею рассержается
 Он перву скок ступил за пять верст,
 А другова ускока не могли найти

Побежал Илья, как сокол летит
 Приезжает Илья он во Киев-град

¹⁴⁷ Павлик Ярослав Был ли Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» оборотнем, колдуном, волкулаком или упырем? Университет в Одессе, 1986 С 29—30 (Сер «Отдельные темы древнерусской литературы» Ч 2 «Слово о полку Игореве»)

¹⁴⁸ Волкодлаками называли также колдуна, обернувшегося волком, и человека, превращенного колдуном в волка. Однако такого рода волкодлаки отличались от волкодлака по рождению поочередно и нераздельно человек-волк. См. Волкодлак // Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т А Новичкова СПб 1995 С 115

По нашему мнению, и летопись, и «Слово о полку Игореве» не дают основания характеризовать Всеслава как колдуна или волшебника, чародея. Они дают основание говорить о Всеславе только как о волкодлаке, имеющем от природы два тела: днем — человек, ночью — волк с вещей душой, со сверхъестественной способностью к молниеносным передвижениям. Согласно народным поверьям, люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (волкодлак именно такой человек), имеют две души.¹⁴⁹ *Вещая* душа Всеслава была «в другом», *во втором*, то есть волчьем, теле. Таким образом, перевод Р. О. Якобсона «въ друзѣ» как «в двойком» или «более чем в одном», на наш взгляд, неверен. Следует переводить именно «в другом, во втором» теле.

Тот факт, что Всеслав родился «в сорочке», то есть «с двумя телами», что было приметой волкодлака, служит у летописца объяснением того, что он «немилостив на кровопролитие». Почему? По мнению Д. С. Леонардова, ношение Всеславом на себе «сорочки», служившей амулетом, предохранявшим его от поражения и смерти, естественно, могло побудить Всеслава к львиной отваге при встречах с врагами и смелой предприимчивости в области завоевания, к непоколебимой решимости на кровопролитные схватки.¹⁵⁰ Но, вероятно, ближе к истине Ярослав Павлик. Он полагает, что летописец имеет в виду народные поверья, согласно которым волкодлаки жестоки, у них звериное сердце.¹⁵¹ Согласно народным поверьям, волкодлаки, по ночам оборачивающиеся волками, могли заедать насмерть или пугать спящих людей, а после смерти превращались в упырей (вампиров), выходящих ночью из могилы, чтобы сосать кровь спящих людей.¹⁵²

С образом Всеслава летописец сознательно связывает представление о волкодлаке. Подобные представления связывались и с другими известными личностями в истории. Д. С. Леонардов высказывает мысль, что «легенды о рождении от волхования или от демона (змея) связывались именно с той исторической личностью, которая отличалась жестоким нравом и сверхъестественными способностями, воинственностью».¹⁵³ Д. С. Леонардов приводит несколько подобных примеров. В средние века городом Падуей в северной Италии управлял жестокосердый Альберик, и падуанцы почитали его за сына земной матери и демона. Широко распространены были по средневековой Европе сказания о Роберте Дьяволе. Когда родители Роберта были в горе и отчаянии от своего детства, графиня Матильда решила обратиться за помощью к духу тьмы, который, возбудив страсть в муже, содействовал рождению будущего демонического героя. От чародеяния, по Александрии, был рожден Александр Македонский. От чародеяния рожден был новгородский богатырь Василий Буслаевич, отличавшийся жестоким, буйным нравом. Любопытно также сообщение князя Курбского о том, как бездетный московский князь Василий Иванович посылал на далекий север «даже до Карелы» к чаровникам, «да помогут ему ко оплодотворению».¹⁵⁴

¹⁴⁹ Другой вариант у них нет христианской души они продают ее дьяволу, заменяют на нечистый дух Плотникова А. А. Душа // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 174.

¹⁵⁰ Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время. С. 176.

¹⁵¹ Павлик Ярослав. Был ли Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» обобщенным колдуном, волкулаком или упырем? С. 14.

¹⁵² Волкодлак. С. 114—117.

¹⁵³ Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время. С. 131.

¹⁵⁴ Там же. С. 131—132.

Вероятно, подобным же образом летописец Ярославичей, противников Всеслава, связывает со Всеславом Полоцким бродячий мировой сюжет о рождении от волхвования и в «сорочке». Это служит у него одновременно и указанием на жестокость Всеслава-волкодлака, и объяснением его жестокости.

Автор же «Слова», изображая Всеслава, вслед за летописью, оборотнем, волкодлаком (днем — обычный человек, ночью — демонический волк), переводит образ Всеслава-волкодлака в другую плоскость: топосами былин он сближает его с образами былинных богатырей, владеющих искусством магии и — поэтому — сверхъестественными способностями.

По нашему мнению, нет никаких оснований говорить о влиянии образа Всеслава на образ Волха или обратном влиянии.¹⁵⁵ И уж тем более реконструировать миф о князе-оборотне, объединяя образ Всеслава и образ былинного Волха Всеславича, как это сделали Р. О. Якобсон и М. Шефтель. Всеслав — волкодлак, Волх, как и другие былинные богатыри, — чародей.

В заключение зададимся вопросом, в каком значении употреблен эпитет «вещий» («вещая душа въ друзѣ тѣлѣ»). «Вещий» — это прежде всего «предвидящий, предсказывающий» (ср.: «вѣщество» — предсказание будущего; гадание. «Вѣщба» — предречение, предсказание будущего; гадание. Одно из значений слова «вѣщати» — предвещать, предрекать, предсказывать. Одно из значений слова «вещание» — предвещание, предречение, предсказание.¹⁵⁶ Ср. также в словаре В. И. Даля: «Вещий — кому все ведомо и кто вещает будущее; прорицатель, предсказатель...»¹⁵⁷). Еще одно, более широкое значение слова «вещий» — «наделенный сверхъестественной силой, волшебный». В каком из этих значений употреблено слово «вещий» в выражении «вещая душа въ друзѣ тѣлѣ»? В «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» рассматриваемая фраза приведена под значением «колдовской».¹⁵⁸ По мнению Р. О. Якобсона и М. Шефтеля, *вещая душа — провидящая душа*.¹⁵⁹ Учитывая выражения «вещее сердце», «пытливый (то есть вещий) дух», мы склоняемся ко второй точке зрения. В таком случае и в припевке автора «Слова», и в приводимой им припевке Бояна (см. далее) речь идет о способности Всеслава предвидеть будущее. Вероятно, ясновидение Всеслава связано с его природой волкодлака. Человек-волк считался прорицателем. На это указывает другое древнее название волкодлака, образованное от глагола *vedati*, знать: укр. вішун, др.-чешск. *vedi*, словен. *vedimci*, *vedunci*.¹⁶⁰ Ясновидением наделяются и другие мифологические оборотни: колдуны и близкий волкодлаку персонаж — упырь (по А. Н. Афанасьеву, упырь — «это мертвец, бывший при жизни своей колдуном, волкулаком...»¹⁶¹).¹⁶²

Х. Мысль о провидении, ясновидении Всеслава развивается и далее — в припевке вещего Бояна:

¹⁵⁵ История этого вопроса рассматривается Там же

¹⁵⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. С. 134—136

¹⁵⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 336

¹⁵⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М. Л. 1965. Вып. 1. С. 114

¹⁵⁹ Jakobson R. Szeftel M. The Vseslav Epos. P. 345—346

¹⁶⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Волкодлак // Мифологический словарь. М. 1990

С. 128

¹⁶¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М. 1869. Т. 3

С. 557—558

¹⁶² См. об этом Павлик Ярослав. Был ли Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» оборотнем колдуном волкулаком или упырем? С. 11—14

Тому въшей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый, рече
 «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду
 Суда Божиа не минути!»

Боян использует, вероятно, народную поговорку «Ни хытру, ни горазду суда Божиа не минути»¹⁶³ и добавляет применительно к Всеславу: «ни пытьцю горазду», то есть провидцу, прорицателю искусному.¹⁶⁴ В первом издании это словосочетание выглядит иначе: «ни птицю горазду». Попытка трактовать это выражение как «искусному гадателю по полету птиц» выглядит неубедительной, поскольку слово «птицю» никак нельзя представить как «искусному гадателю по полету птиц», тем более что в древнерусском языке существовал специальный термин, обозначающий такого гадателя: кобник. А. А. Гогешвили читает словосочетание «птицю горазду» в одно слово и рассматривает его как «точную кальку» с греческого слова, означающего «птицегадатель», синоним слова «авгур». По мнению А. А. Гогешвили, «у Гомера обнаруживается почти дословная, смысловая и стилистическая параллель» к припевке Бояна (привожу в переводе А. А. Гогешвили):

Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
 Но и гаданием он не спасся от гибели черной¹⁶⁵

Эта интересная параллель не кажется нам убедительной прежде всего потому, что Всеслав «Слова» — не кобник, не птицегадатель, он — волкодлак. Его сверхъестественные способности, в том числе провидение, связаны с вещей (провидящей) душой, заключенной в теле волка, и с ночным временем, когда гадание по полету птиц невозможно.

Убедительную конъектуру: «пытцю» вместо «птицю» предложил Л. А. Булаховский: «...птицю здесь искажение какого-то другого, не понятного уже древним переписчиком слова. Наиболее вероятно мне представляется предположить не дошедшее до нас слово „пытць“ (дат. пад. пытьцю) — чародей, кудесник; ср. приводимое в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского „пытливый“ — обладающий чародейскою силою, то есть что вполне подходит к вешему Всеславу».¹⁶⁶

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» уточнено толкование слова «пытливый» (дух): «прорицательный, предсказывающий будущее». При этом указано, что как вариант выражения «пытливый дух» (лат соотв.: spiritum ruyhonem) в рукописях встречается «провидник дух».¹⁶⁷ Одно из значений слова «пытатися» — применять ведовские средства, ворожить (у колдунов) для воздействия на кого-л. или *узнавания будущегого*.¹⁶⁸ Наконец, следует учесть приведенное Р. О. Якобсоном и М. Шефтелем свидетельство, что человек, имеющий более одной оболочки, обладает, по поверьям, и «двойным зрением», то есть является провидцем, ясновидящим. Уже отмечалось то, что и волкодлаки считались прорицателями. Необ-

¹⁶³ Ф И Буслаев (Буслаев Ф И Исторические очерки русской народной словесности и искусства Т 1 С 37) привел цитату из принадлежавшего ему списка «Моления Даниила Заточника» «Поведаху ми, яко той суд Божий надо мною, и суда де Божиа ни хитру уму, ни горазду не минути»

¹⁶⁴ Так же используется поговорка и в другом афоризме Бояна «„Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, — Руской земли безъ Игоря»

¹⁶⁵ Гогешвили А А Три источника «Слова о полку Игореве» М 1999 С 267—268

¹⁶⁶ Булаховский Л А Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // «Мовознавство» Наукови записки Кив 1952 Т 10 С 121—122

¹⁶⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1995 Вып 21 С 85

¹⁶⁸ Там же С 84

ходимо учитывать также, что у Всеслава «вещая душа», то есть «предвидящая, предсказывающая».

В таком случае в припевке Бояна говорится о том, что никому не дано избежать Божьего суда: ни хитрому (мудрому), ни гораздому (ловкому, искусному в каком-либо деле), ни провидцу искусному с вещей душой, как Всеслав, умеющему предвидеть будущее.

«Божий суд» в данном случае, по нашему мнению, не смерть, как переводят комментаторы и переводчики,¹⁶⁹ а судьба, то, что предопределено человеку Богом. А. Н. Афанасьев пишет: «Слово „судьба“ одного корня с глаголом „судить“, и следовательно, означает то, что присуждено-предопределено человеку...». «В старинных памятниках слово „суд“ прямо употребляется в значении судьбы: например, в „Слове о полку Игореве“ сказано: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа (судьбы или смерти) не минути“». А. Н. Афанасьев указывает, что у славян сохранилось множество пословиц и поговорок, намекающих на стародавнее верование в судьбу. Среди них он приводит и те, которые говорят о неотвратимости предопределения, невозможности избежать своей судьбы: «никто от своего року не уйдет»; «чему быть, того не миновать»; «от судьбы не уйдешь»; «так рок судил»; «бойся не бойся, а от своей части не уйдешь» и так далее.¹⁷⁰

А. А. Гогешвили приводит к рассматриваемому фрагменту параллель из «Илиады»:

Но судьбы как я мню не избег ни один земнородный
Муж ни отважный ни робкий, как скоро на свет он родился¹⁷¹

Выражение «суд Божий» — христианизированное представление язычников о предопределении. В греческой мифологии судьбу предсказывали мойры (буквально «часть», «доля») на третью ночь после рождения человека.¹⁷² Одна из мойр — Лахесис («дающая жребий»), другая — Клото («пряduщая»), третья — Атропос («неотвратимая»).

Как видим, Боян и автор «Слова» единодушны в оценке судьбы Всеслава: его вещая душа, возможности «пытца», провидца не спасли его от бед и не помогли избежать суда Божьего — назначенной Богом судьбы.

* * *

Подведем итоги. Что же говорит нам автор в своем повествовании о Всеславе?

Во фрагменте о Всеславе важную роль играет мотив оборотничества. Всеслав изображен, вслед за летописью, волкодлаком, но при этом топами былин его образ переориентирован на образ былинных богатырей.

¹⁶⁹ Б. А. Рыбаков например, пишет «Боян, признававший его колдовские способности и хитроумие, предрекал, что и ему „суда божиа не минути“. Но вопреки мрачному предсказанию „Святослава песнотворца“ Всеслав прокняжил в Полоцке еще 32 года» См. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич С. 45

¹⁷⁰ Афанасьев А. Н. Древо жизни С. 365

¹⁷¹ Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве» С. 268. Трудно согласиться с А. А. Гогешвили, что это место из Гомера свидетельствует о «прямом влиянии» на творчество автора «Слова» «топики и литературно-мифологических представлений античности». Мысль о невозможности избежать своей судьбы, Божьего суда была характерна и для русских средневековых представлений

¹⁷² Мифы народов мира М., 1992 Т. 2 С. 169. См. также Горан В. П. Древнегреческая мифология судьбы Новосибирск, 1990

Мы не можем, следовательно, согласиться с теми исследователями, которые категорически отрицают представление о Всеславе-оборотне в «Слове» (Вс. Миллер, О. Сулейменов, О. В. Творогов).¹⁷³ О. В. Творогов отрицает мотив оборотничества Всеслава в «Слове» на том основании, что Всеслав христианин (по летописи, он молится кресту), и на основании того, что ни один из исторических источников не свидетельствует якобы о существовании таких представлений о Всеславе. Однако в «Слове» и даже в летописи мы имеем дело с художественным образом Всеслава, который вполне может не совпадать с образом исторического Всеслава. И оборотничество Всеслава — это, разумеется, лишь мифологический мотив, использованный автором «Слова» с художественной целью. Какова эта цель? Если у летописца легенда о Всеславе-волкодлаке служит для создания демонического образа противника Ярославичей, то автор «Слова» использует эту легенду, чтобы показать «двойственную» жизнь Всеслава

По выражению Р. О. Якобсона, два тела Всеслава-волкодлака словно являются причиной его столь же «двойной» жизни: победитель и побежденный, даже пленник; киевский князь и беглец; чародей-удачник и страдалец, что и отметил автор «Слова» в своем афоризме о Всеславе: «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, / Нь часто бѣды страдаше». Вслед за небольшой удачей («вазнь с три кусы») следовала большая беда. Пограбил Новгород — Ярославичи в ответ разграбили Минск, разбили Всеслава на Немиге (он вынужден был бежать с поля боя), а затем хитростью заманили его к себе, схватили и заключили в Киеве в поруб, где он просидел около полутора лет. По счастливой случайности стал после этого киевским князем — но смог удержаться на киевском престоле всего семь месяцев, после чего лишился не только Киева, но и родного Полоцка, который смог вернуть только два или три года спустя.

Таким образом, все попытки Всеслава добиться большей доли, преодолеть свою «отверженность», чьи права были ограничены Полоцким княжеством, не привели к успеху. Все его успехи, случайные удачи (вазнь) превращались в ничто. Даже «вещая» душа, способности провидца (пытца), способности к оборотничеству и молниеносным ночным «скачкам» не помогли Всеславу избежать «Божьего суда», назначенной судьбы, ибо, как заметил Боян, «ни хытру, ни горазду, / Ни пытьцу горазду/ Суда Божиа не минути!». Следовательно, все беды Всеслава, гибель русских людей на Немиге и в других битвах были напрасны. Привели же княжеские междоусобицы к гибели Киевской Руси, распавшейся на отдельные княжества, которые стали легкой добычей для иноземцев.

Автор «Слова» считает Всеслава одним из виновников междоусобных войн. Он подчеркивает, что Всеслав действует на седьмом веке (в последние времена) Трояни-Руси, способствуя ее гибели. Однако автор «Слова» не оправдывает и его противников Ярославичей, действовавших «ключками» — хитростями, обманом.

По словам Д. С. Лихачева, «автор „Слова“ как бы размышляет о злосчастной судьбе Всеслава. Всеслав изображен в „Слове“ и с осуждением, и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, „вещий“, но несчастный неудачник!..

¹⁷³ Миллер Вс Взгляд на «Слово о полку Игореве» М 1877 С 234—235, Сулейменов О «Синяя мгла и синии молнии» // Простор Алма-Ата 1968 С 84—93 Творогов О В Всеслав Брючиславич С 259—260

Перед нами исключительно яркий образ князя-вотчинника, князя периода феодальной раздробленности Руси». ¹⁷⁴

Художественный образ Всеслава Полоцкого в «Слове», важный сам по себе, имеет еще и «сверхзадачу», присутствие которой становится очевидным при сопоставлении фрагмента о Всеславе Полоцком с фрагментом об Олеге Гориславиче. Эти фрагменты, как уже отмечалось исследователями, имеют много общих чтений, они явно перекликаются. Однако сопоставление двух исторических фрагментов в «Слове о полку Игореве» выходят за рамки нашей статьи.

Приведу в заключение фрагмент о Всеславе с учетом своей интерпретации.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
Врѣже Всеславъ жребий
О дѣвицю себѣ любу.

Тѣй клюками подпрѣся окони
И скочи къ граду Киеву,
И догчеся стружіемъ злата стола кіевскаго, —
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ пльночи изъ Бѣла-града,
Обѣсися синѣ мъглѣ.

Утрѣже вазни с три кусы:
Оттвори врата Нову-граду,
Разшибе славу Ярославу, —
Скочи влькомъ до Немиги,
Съоу токѣ.

На Немизѣ снопы стелють головами,
Молотять чеи харалужными;
На тоцѣ животь кладуть,
Вѣють душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни —
Посѣяни костями рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь влькомъ рыскаше:
Изъ Киева дорискаше до куръ Тмуроканя,
Великому Хрѣсови влькомъ путь прерыскаше;
Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано
У Святыя Софеи въ колоколы —
А онъ въ Киевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ,
Нѣ часто бѣды страдаше,
Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече:
«Ни хытру, ни горазду, ни *пытцю* горазду
Суда Божія не минути!».

¹⁷⁴ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк) // «Слово о полку Игореве». М.; Л. 1950. С. 258.